

ПЕРМСКИЙ
1898.
УЧЕБНО-НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ

М. Данковский.

347(2)
D-17

Д Е Я О

АРХИМАНДРИТА ЗОСИМЫ.

(Судебно-уголовный процесс по обвинению в изнасиловании и растлении малолетних приютанов в Боголюбском женском монастыре Пермской губернии Красноуфимского уезда).

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
УЧЕБНО-НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
№ 4324
Пермское Губ. Арх. Бюро

79.

Издание Пермского Губернского Архивного Бюро.

Г. Пермь.
Типог. Пермского Исправдома
1923 г.

Окрит. № 15. Пермь Типография Исправдома, зак. № 78 1923 г. Тир. 5000.

Оглавление.

	стр.
К читателям данной книги.	I-II.
Предисловие.	1.
I. Краткий очерк жизни и деятельности архимандрита Зосимы до его появления в Пермской епархии.	5.
II. Прибытие архимандрита Зосимы в Пермскую епархию. Устройство им Боголюбской обители. Жизнь и порядки в обители. Соблазнительное поведение Зосимы.	19.
III. Предварительное следствие над архимандритом Зосимой по жалобам Горожакиной и Кусакиной.	33.
IV. Суд над архимандритом Зосимой. Судебный приговор и дальнейшая судьба Зосимы.	70.

Приложения.

1. Обвинительный акт о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря архимандрите Зосиме (копия).	85.
2. Вопросный лист по делу о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря архимандрите Зосиме, обвиняемом по 1523 ст. Улож. о наказ. (копия).	90.
3. Приговор (копия).	91.

Рисунки.

1. Портрет Зосимы в архимандричьем одеянии во время произнесения им проповеди.
  2. Вид основанной Зосимой Боголюбской обители в с. Сарсах Вторых Красноуфимского уезда Пермской губернии.
  3. Портрет Зосимы (в двух видах), официально снятый с него в 1906 году в Пермской губернской тюрьме.
  4. Портрет Зосимы, снятый с него в Виленской губернской тюрьме в 1911 году.
-

К читателям данной книги.

Издавая особой книжкой „Дело архимандрита Зосимы“, мы имеем в виду, что оно послужит для наших антирелигиозников прекрасным материалом для бесед с малосознательными рабочими и крестьянами о быте духовенства. Когда агитатор или пропагандист умело воспользуется этой книгой и в надлежащем виде изобразит жизнь „святых отцов“ и „своджевников“, то в умах слушателей невольно закрадется чувство недоверия ко всему тому, что проповедуется „святыми отцами“.

Автор этой книги не хотел придавать ей нарочитого характера антирелигиозности, но, так или иначе, книга эта должна сыграть роль именно, как удар не только по духовенству, но и по самой религии.

Господь бог, если бы он на самом деле где-либо существовал, помимо расстроенного воображения суеверных людей, был бы большим чудачком, если не сказать больше, допуская творить прикрывающимся его именем бездельникам монахам такие гнусные вещи. А если гнусности и подлости под покровом религии творятся, то редкий не задаст сам себе вопроса: „А чего же смотрит бог?“ И тут уж пара шагов до вопроса о существовании бога вообще.

Мне лично пришлось встретиться с Зосимой в Пермской губернской тюрьме в 1905 г.

Сидя в тюрьме уже после суда, на котором были доказаны все его гнусные преступления, он все-же продолжал, как искусный ханжа и лицемер, изобразать из себя „мученика“, и находилось не мало темных женщин, вереницей шедших к нему для „благословления“.

Зато население тюрьмы презирало его единодушно, и администрации тюрьмы приходилось держать его подальше от других, т. к. уголовные с большим удовольствием učinили бы над ним любую каверзу.

Характерно то, что после его осуждения в каторжные работы, тюремный поп и администрация тюрьмы позволяли ему молиться во время церковной службы не вместе с другими, а особо, в алтаре. „Чем больше прохвост, тем ближе к богу“, — так, очевидно, рассуждал вечно полуцарный поп Знаменский.

С тех пор прошло много лет. С ликвидацией старого строя мы разорили и монастыри, — эти гнезда черных воронов, пригоны разврата и очаги беспросветного дурмана.

Как будто бы не нужно было вспоминать старое, но, когда автор книги подал мне мысль об издании „Дела Зосима“, я охотно эту мысль поддержал.

Пусть мертвый развратник Зосима поможет нам рассеять остатки религиозного дурмана, который остался еще в головах некоторых живых, но темных людей.

* * *

М. Туркин.

Портрет Зосимы, в архимандрическом одеянии, во время провознесения им проповеди.

Д Е Л О

Архимандрита Зосимы.

(Судебно-уголовный процесс по обвинению в изнасиловании и растлении малолетних).

П Р Е Д И С Л О В И Е .

В архивах бывших Окружных Судов, без сомнения, немало найдется таких судебно-уголовных процессов, которые и в настоящее время не могут не возбуждать к себе глубокого общественного интереса и внимания. Таково, например, уголовное „дело“ бывшего Пермского Окружного Суда о настоятеле Боголюбского женского монастыря Красноуфимского уезда—архимандрите Зосиме; начатое 20-го декабря 1902 г. и законченное 30-го сентября 1905 года осуждением архимандрита на 11 лет каторжных работ.

Пусть это „дело“ относится к сравнительно далекому прошлому, но уже один сам преступника, его высокое положение в иерархической лестнице православного духовенства, ясно говорят за то, что пред нами весьма редкий и в высшей степени выдающийся процесс для тогдашнего времени.

Кому не известно, что бывшее царское правительство оказывало самое глубокое внимание, почтение и преклонение пред высшим православным духовенством?

На долю последнего отпускались значительные государственные суммы. Все иерархи церковные были звездоносцами и кавалерами различных орденов.

И все это по тому, что духовенство не без основания мыслилось, как самый верный и надежный оплот самодержавия, как самый лучший проводник всех мероприятий правительства в темные крестьянские и рабочие массы.

Отсюда нужны были из ряда вон выходящие обстоятельства, чтобы правительство могло согласиться на предание суду общественной совести кого либо из высших церковных иерархов.

Какое же исключительно-выдающееся преступление совершил архимандрит Зосима, если царская прокуратура и царский суд были не в силах затуманить и свести на нет это преступление?

Перед нами вышеуказанное „дело“ Пермского Окружного Суда, которое озаглавлено так: „Дело по 2 уголовному отделению о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря—архимандрите Зосиме, обвиняемом по ст. 1523 Уложения о наказаниях“. Сущность же этой статьи говорит „о растлении девицы, не достигшей 14-летнего возраста, если оное было сопровождается насилем“.

Так вот каковы преступные деяния архимандрита Зосимы!...

В глухом уголке Красноуфимского уезда, среди инородцев черемис, им устраивается Боголюбская женская обитель, которая быстро наполняется населенницами разного возраста. Среди верующих масс Пермской, Уфимской и других соседних губерний разносится молва о новом подвижнике удивительной „святости“ жизни. Слава арх. Зосимы растет, а с нею растет приток богомольцев в обитель и приток щедрых пожертвований.

Но вот 29-го ноября 1902 года, послушницею указанной обители Агафоникой Горожаниновой на имя товарища Пермского Прокурора по Красноуфимскому уезду, подается заявление, в котором она просит привлечь к законной ответственности архимандрита Зосиму за изнасилование и растление двух ее дочерей—насельниц той же обители—Анны 15 лет и Марфы 13 лет. В том же заявлении указывается, что подобные гнусности—„обычное явление в монастыре“, что растлению подверг архимандрит Зосима не только ее дочерей, но и многих других послушниц обители. 17-го декабря того же года и на имя того же товарища Прокурора Горожаниновой подается вторичное прошение, в котором уже подробно раскрывается, как, при каких обстоятельствах и над кем именно совершены насилия архимандритом Зосимой.

Очевидно,—эти заявления нельзя было положить под сукно и оставить без последствий, тем более, что и в либеральной прессе тогдашнего времени уже появились туманные заметки на творившиеся гнусности в Боголюбском монастыре.

И вот 20-го декабря 1902 года за № 10227 Прокурором Пермского Окружного Суда на имя судебного следователя 3-го участка

Красноуфимского уезда дается предписание приступить, вследствие указанных жалоб, к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 1523 ст. Улож. о наказаниях.

Так возникло пресловутое „дело“ архимандрита Зосимы.

В настоящее время, извлеченное из Пермского Губархива, оно представляет собою три тома, из которых в 1-м томе 270 листов, во втором—20 и в третьем—164 листа.

Без чувства гадливости, без омерзительного содрогания, нельзя читать разного рода бумаг в указанном деле.

Каких только усилий и стараний не употребляли духовные и светские власти, чтобы направить следствие по ложному пути, чтобы не допустить „дело“ до гласного разбора и суда?!

Почти три года тянулось следствие, будучи передаваемо то одному, то другому следователю. Волновалось общество, возмущалась печать.

И вот, в конце-концов,—30-го сентября 1905 года,—все-таки произошло судебное разбирательство преступных деяний Зосимы, хотя и при закрытых дверях.

Последний был осужден. Но этим компания в защиту Зосимы, не была закончена. Пошла настойчивая и устная, и печатная пропаганда, что он осужден невинно, что это—новый мученик Христов, что весь процесс его есть ничто иное, как злое измышление заклятых врагов церкви.

Неким А. В. Жаркевичем даже после смерти Зосимы издана была,—конечно, не без субсидии со стороны духовной и светской власти,—довольно об'емистая книга под названием: „Арх. Зосима (в мире Д. Рагин) был невинен“. Книга эта в огромном количестве—бесплатно рассылалась по разным местам Пермской и соседних с нею губерний.—

Словом, выходило так, что уж если нельзя было совершенно предотвратить гласный разбор „дела“ Зосимы, то нужно было какнибудь ослабить его остроту, нужно было хотя бы потом какнибудь доказать, что весь этот процесс есть явная и даже злопомеренная судебная ошибка в угоду неверующим и либеральной прессе.

Все это, конечно, так естественно и так понятно. Если бы все данные процесса, весь его кошмар и ужас стали гласным достоянием широких масс народных, то вера этих масс в святость монашества и духовный авторитет монашеской иерархии была бы значительно поколеблена и подорвана. Могла бы пробудиться мысль народная, могла бы критически заработать она и через это,—в конце концов,—могла бы сбросить с

себя густой туман разных религиозных суеверий, что, конечно, — было не в интересах ни светской, ни духовной власти.

Наше революционное время на многое открыло глаза этим широким массам.— Тем не менее вера в таких „старцев“, как Зосима, в темном народе еще очень крепка и авторитет подобных „старцев“ еще довольно силен.

„Дело“ архимандрита Зосимы, — это не есть только его личное дело, но в тоже время и „дело“ всей монашеской церкви, с ее церковной иерархией. Так именно и понимала духовная и светская власть судебный процесс, близко приняв его к сердцу и употребляя напряженные усилия как будто предотвратить, или ослабить силу скандала. Так смотрим на процесс Зосимы и мы. Дело не в его личности, а в тех ужасах, которые иногда совершаются под покровом веры в ограде церковной, дело в той бессовестной эксплуатации, и в том одурманивании темных и несознательных масс народных, при котором только и возможны такие кошмарные преступления, как преступления Зосимы.

Познакомившись в Пермском Губархиве с данным судебным делом, мы пришли к убеждению, что во имя блага народного оно не должно быть достоянием только одних архивных полок.

Нет, — оно должно быть всесторонне освещено и обнародовано.

Такой труд мы и берем на себя. Совершенно беспристрастно и объективно, не преувеличивая и не преуменьшая значения имеющихся в „деле“ документов, мы сделаем систематический подбор их и выясним по ним, чем иногда наполнялась наша церковно-религиозная жизнь. Мы будем руководствоваться только документами, ибо они сами говорят за себя, рисуя кошмарную картину церковно-монашеских гнусностей и зверств.

Пусть же народ сам поймет, каковы многие из тех духовных руководителей, которым доверчиво нес и несет он свои сокровенные думы, у которых искал он и ищет опоры и утешения в своих скорбях и слезах.

Зосима — это не исключительное явление в церкви. Факты недавнего прошлого и факты настоящего времени насчитывают много-много подобных Зосим, обделывающих под покровом церкви свои личные темные и гнусные дела и делишки.

Пусть же поймет это народ и выбросит из жизни своей таких — всечестных „отцов“ и „святых старцев“, как старую ненужную ветшь, хотя бы и прикрывались они красивыми словами о своем служении народу, под видом обновления и возрождения церкви.

Краткий очерк жизни и деятельности архимандрита Зосимы до его появления в Пермской епархии.

Кто были родители архимандрита Зосимы, каково было их социальное положение, когда и где он родился, где проводил он детские годы свои—обо всем этом в следственном материале нет вполне ясных и точных указаний. Самим же Зосимой на подобные вопросы со стороны следователя по важнейшим делам 30-го сентября 1903 года, было отвечено так: „Вследствие особых исключительных и чрезвычайных обстоятельств в жизни моей от дня рождения, младенчества, отрочества, юношества, зрелого возраста и далее могу дать ответ непосредственно—ТОЛЬКО И ТОЛЬКО ЛИЧНО—ПОМАЗАННИКУ БОЖИЮ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.“

В другом месте, именно, — в заявлении своем на имя Пермского Прокурора от 27 июля 1904 года, Зосима сообщает: „что касается моего рождения и происхождения, то сие, как тайна великая, и должна остаться навсегда тайной, в силу указаний великого архистратига Божия Рафаила, который ясно узаконил: „тайну цареву хранить добро, дела Божии открывать славно.“ Внешние же изыскания, какие могут открыт же ся, о моем рождении и происхождении, посящие официальный характер, заключают и будут заключать в себе одну внешнюю форму.“

Однако, здесь же, — очевидно, — позабыв свое прежнее категорическое заявление дать ответ только и только „помазаннику Божию,“ Зосима присовокупляет: „Если бы Господь судил Вам, как представителю высшей власти, видеть меня лично, я мог бы сказать Вам, нечто от дней моих детских, имеющее отношение к моему зачатию и рождению и многое другое, весьма важное и исключительное.“

Но прокурор был в Перми, а Зосима в Почаевской лавре Волынской епархии. Свидание их, по этому не могло состояться. На суде же эта „тайна,“ несмотря на все попытки следственной власти, так и осталось тайной.

Одно несомненно, что рождение Зосимы было естественным результатом связи какого-то очень высокопоставленного лица с еврейкой города Сосниц, Черниговской губернии, что до крещения он назывался

Зальман Мордухович Рашин, что кто-то из высокопоставленных лиц еще в детстве принял в нем участие, обрестил его в православие с именем Дмитрия (по крестному отцу Александров) и определил в Саратовское училище военного ведомства, откуда 15-го октября 1860 г. он был определен на должность младшего писаря штаба 6-го армейского корпуса.

От роду в то время Д. Рашину было 20 лет. Значит, — родился он, по всей вероятности, в 1840 году.

Далее имеются сведения, что Д. Рашин с 1865 по 1869 год служил старшим вахтером в Тамбовском интендантском складе, с каковой службы и был уволен за поступлением в монашество (см. „Дело,“ том I, л. 263—266).

* * *

Что же заставило молодого Рашина сменить военный мундир на монашескую рясу?

Сам он объясняет это своим „пламенным и непреклонным желанием послужить Богу.“ Но нам не без основания думается, что в этом отношении главную и доминирующую роль играло желание, как можно скорее составить себе карьеру.

Не глупой от природы, хитрый, пронырливый, предприимчивый, — Рашин прекрасно учитывал, что ему, — без связей, без средств, — не подняться далеко в военном ведомстве. Между тем монашество в смысле карьеры было самым удобным институтом для подобных Рашину личностей. И действительно мы видим, как быстро идет здесь в гору его служебное положение.

В 1870-м году, в городе Полтаве, Рашин формально постригается в монашество с именем Зосимы и почти сразу же посвящается в сан иеродиакона.

В 1872-м году мы уже видим его в г. Иркутске, где епископом Парфением он 24 июня того же года посвящается во иеромонаха с определением на должность эконома Иркутского Архиерейского дома. Молодой эконом быстро становится правой рукой епископа, а за старостью его фактическим правителем епархии. (см. „Дело“ т. I, л. 250-252).

Каково было это управление, в „деле“, к сожалению, нет указаний. Следовательно об этом не потрудились сделать запрос в Иркутскую консисторию. Но уже из одного того, что после смерти Парфения,

последовавшей 10-го сентября 1873 года, иеромонах Зосима должен был очень быстро покинуть Иркутск, можно заключить, какого качества было это управление епархией.

В Сам Зосима свой отъезд объясняет следующим образом: „После смерти незабвенного для меня архипастыря, согласно прошению, уволен от должности эконома на поклонение святым местам в Россию Европейскую и за границу, сроком на 2 года, с выдачей квитанции в исправной слаче экономии архиерейского дома.“ (См. протокол его допросов 30 сентября 1903 года).

Но вместо того, чтобы выехать в Европейскую Россию, Зосима доезжает только до Красноярска, где в том же 1873 году 2-го октября епископом Антонием принимается в число крестовых иеромонахов, а потом назначается экономом архиерейского дома и благочинным монастырей Енисейской епархии — мужских и женских.

Епископ Антоний также подпадает под сильное влияние Зосимы. Иркутская консистория, например, присылает требование взыскать с Зосимы 49 рублей за проданные им из Иркутского архиерейского дома — книги. Но это требование остается без последствий. Та же консистория возбуждает требование об отобрании от отца Зосимы взятого им архимандритского креста для возвращения его в Киренский монастырь. Но это требование остается также без ответа. (См. в „деле“ отношение Енисейской духовной консистории от 12/VIII—1903 года № 6314).

Как будто малозначительны эти два последние факта. Но на самом деле ни говорят о многом. Они уже ясно свидетельствуют, какому именно Богу возымел „пламенное и непреклонное желание служить“ Зосима и какого нравственного уровня он оказался.

Красноярский епископ Антоний перед приездом к нему Зосимы озабочен был мыслью об устройстве под Красноярском мужского Успенского общежительного монастыря. Но это дело как-то не удавалось ему. Явившийся иеромонах Зосима сразу же отдал всего себя осуществлению этой мысли владыки. Со свойственной ему предприимчивостью и пронырливостью, он собирает значительные денежные пожертвования; совершает для этого даже поездку в Петербург, где своей кипучей энергией, даром слова и видимым, — показным благочестием производит сильное впечатление на высшие духовные сферы и светскую камарилью.

Быстро сооружаются монастырские здания и быстро наполняются насельниками. Не без хвастовства об этом сообщает Зосима следовательно в протоколе допроса 3 го сентября 1903 года.

„Сверх обязанности эконома архиерейского дома, — говорит он, — я основал в 7 верстах от Красноярска Успенский мужской общежительский монастырь, на постройку которого, как знающий строительное и инженерное искусство (?) истратил, кроме пособия от разных лиц, и собственных средств — до 75.000 рублей“.

Откуда могли получиться у Зосимы собственные громадные средства, документально в его „деле“ не выяснено, но как получались „пособия от разных лиц,“ — указания на это мы находим в письме Енисейского губернатора Лохвицкого на имя епископа Антония от 3-го ноября 1875 года за № 147.

„Ваше Преосвященство, — пишет он, — до сведения губернатора дошло, что некоторые из поступавших в еще не существующий монастырь, уже выходили оттуда, оставив в нем принесенное ими достояние. У купца Водовозова проживал более 10-ти лет на даче за сторожа поселенец Фома Репчевский; отказывая себе во всем, из жалования 120 руб. в год, он скопил до 1.000 руб. Монах Зосима свел с ним знакомство и убедил поступить в монастырь, — и деньги сделались достоянием Зосимы.... В монастыре поселились люди, ничего не делающие, кроме заманивания в свою среду простонародия и выманивания у них разного рода пожертвований. В короткое время уже многие из завербованных и поступивших в обитель, по распродаже всего своего имущества и по отдаче денег в монастырь, теперь по разным причинам вышедшие из него, остались совершенно без средств к существованию, так например, крестьянин Владимирской губернии, Гороховецкого уезда, Каллистрат Толлов.“

Нужно ли чтонибудь дополнить к этим словам губернатора?

Нужно ли дать им соответствующие комментарии?

Очевидно, — нужны были такие кричащие факты, такая бессовестная эксплуатация, если уж даже светская власть, в лице губернатора, нашла это не совсем приличным и нормальным для монаха.

Средства для своего монастыря и для себя лично изыскивались Зосимой и другими способами. Об одном из них сообщает департамент полиции, от 8-го декабря 1908 года за № 17090. В этом сообщении, на имя следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам, мы читаем: „1874-м году к гор. Красноярску, причалил плот со скотом, который за поздним временем оставлен был пастись на берегу. Утомленные пастухи уснули и скот в количестве 74-х голов прошел к монастырю, состоявшему в ведении отца Зосимы. Братия монастыря

воспользовалась допущенным пастухами недосмотром, и весь скот был задержан ею. На просьбу пастухов отпустить скот с них требовали 500 руб. за поправу и проход скота по монастырским дороге и мостам. Иеромонах Зосима, явившись к месту происшествия, понизил эту сумму до 100 рублей и взял при этом с промышленника Устюгова расписку об обязательстве последнего уплатить эту сумму, а в залог удержал 6-ть коров. („Дело“ т. I л. 236).

Получив 68 голов скота, скотопромышленник обратился с жалобой на монастырь к губернатору и просил осмотра поправы. По распоряжению губернатора осмотр местности, подвергшейся, по утверждению монастыря, поправе, произведен был два раза, но никакой поправы не оказалось. Сам Зосима поправу показывать не пошел, а командировал монаха Афанасия, который, однако, подписать акт осмотра отказался, ссылаясь на запрещение Зосимы. На требование полицеймейстера выдать задержанный скот (6-ть штук), Зосима отвечал отказом, причем отказался дать по этому предмету какие либо объяснения. Тогда по приказанию губернатора скот был отобран, а о поступке иеромонаха Зосимы начато следствие, которое, однако, должно было быть приостановлено за отказом последнего давать объяснения. (Там же, т. I, л. 237).

„Таковы сведения,—прибавляет департамент полиции,—которые могли бы служить некоторым основанием для нравственной квалификации отца Зосимы“.

Да,—испробной оказалась эта квалификация, даже по мнению департамента полиции.

Но как реагировала на подобный поступок духовная власть?

„Дело это,—сообщает Епископская духовная консистория,—(отношение на имя судебного следователя по важнейшим делам, от 12-го августа 1903 г. за № 6314) закончилось постановлением консистории (по второму столу—№ 74, 1875 года) о сделании сношения с и. д. губернатором о том, чтобы чины полиции обращались к о. Зосиме с надлежащим его сану почтением („Дело“ т. I л. 168).

Само собою разумеется, что после такого решения консистории Зосима еще бесзастенчивее принялся за собиране средств и обирание доверчивого люда. Он не ограничивается устройством только мужского монастыря, но спешит устроить под Красноярском и женскую общежительную обитель. Для этого он уговаривает некоего стат. сов. Куртузова пожертвовать под предполагаемую обитель загородный дом с 40 при нем десятинами земли. делается настоятелем этой обители, собирает в

нее насельниц, по преимуществу молодых девушек и девочек, которые должны за свое содержание в обители вносить значительные вклады. Между прочим, он узнает, что некая молодая девица Даева после смерти отца стала наследницей довольно значительного имущества. И вот он употребляет все усилия склонить эту Даеву к поступлению в обитель, в чем и успевает, воспользовавшись ее деньгами в количестве 7000 р.

Между тем начинается молва о некоторых соблазнительных отношениях Зосимы к молодым монастырским насельницам. Все настойчивее фигурирует какая-то девушка Наташа. Монашески ходит в мужской монастырь и ночует там, тоже делают и монахи Успенского монастыря.

Соблазн растет. Но епископ Антоний не обращает на распространявшиеся слухи внимания, считая их сплетнями. Для него, очевидно, важно было не то, что творится в монастырях, а то, что монастыри устроены и в этом отношении его епархия стала не хуже прочих епархий. Даже губернатор Лохвицкий в том же, уже цитированном нами письме за № 147, пишет владыке, что в мужском монастыре „оказываются и женщины под видом услуг, в том числе девушка с небольшим 20-ти лет, что положительно воспрещено монастырским уставом“. — „Тем же — по письму губернатора, — делается и в женской обители, где собранные сестры ведут жизнь, приличную проституткам“. Но епископ Антоний и после этого продолжает все так же благосклонно относиться к Зосиме.

Может быть, те кошмарные гнусности, за которые был осужден Зосима в Пермской епархии, стали бы, в конце концов, предметом судебного разбора и в Красноярске, если бы Антоний и Зосима долго еще здесь „подвизались“. Но, к счастью для Красноярска, они оба в скором времени были перемещены отсюда в гор. Пензу. Случилось же это последнее по тому, что данные „святые отцы“ уж очень зарвались в своей борьбе с местным губернским жандармским управлением, в лице его начальника — полковника Банина.

* * *

Эпизод указанной борьбы состоит в связи с устроенными Зосимой монастырями. Да и сама она настолько характерна, что ее нельзя обойти молчанием; — тем более, что в этой борьбе рельефно вырисовывается нравственный облик Зосимы.

Полковник Банин 1-го июля 1875 года, получив сведения, что в мужском Успенском монастыре многие проживают без письменных ви-

кое, сообщил об этом полицеймейстеру на предмет поверки насельников монастыря. По проверке оказалось, что там проживает 34 мужчины, 2 женщины и 9-ть мальчиков; из числа их 14-ть поселенцев и 13-ть беспаспортных. Из последних 8 человек были арестованы, в числе воих оказался один бродяжничавший уже 5 лет.

Такое „неуважение“ к обители, конечно, не могло не возмутить Антония и Зосиму. И вот к высшему начальству края стали поступать анонимные доносы на полковника Банина, заключающие в себе сведения об его яко-бы враждебном отношении к Успенскому монастырю, дошедшем до того, что будто-бы он, — Банин, — хотел даже подбросить в монастырь фальшивые денежные ассигнации и затем возбудить дело об изготовлении последних отцем Зосимою („Дело“ т. I л. 237)

Данные анонимные донесения препровождены были для дачи по ним объяснения полковнику Банину и последний, на основании сличения почерка анонимного автора с почерком поселянина Жуковского, служившего в Успенском монастыре в качестве трапезника, признал эти доносы идущими из стен названного монастыря. В свою очередь и сам полковник Банин сделал соответствующие донесения о неприязненном к нему отношении Зосимы и местного архерея, для которых, по его словам, было бы весьма выгодно смещение Банина с занимаемой им должности, т. е. он являлся для них помехою в их неблагоприятных по изысканию средств на устройство монастыря. Между прочим Банин представил в бывшее 3-е отделение собственной императора канцелярии черновик составленного по поручению Зосимы и собственно-ручно им исправленного рапорта, с коим Зосима намерен был обратиться и, по заявлению Банина, действительно обратился к епископу Антонию, прося его сообщить об изложенных в рапорте обстоятельствах Енисейскому губернатору. В рапорте этом Зосима указывал, что против него злоумышляют лица, поставленные быть блюстителями закона и порядка, которые хотят посредством подкупов изблечить его в любоденнии и фальсификации кредитных билетов. *)

По словам некоего Покровского, писавшего указанный черновик и уступившего его Банину в белом донесении, эти злоумышляющие лица названы прямо: полковник Банин и прокурор Долгушин, а по заявлению Банина, губернатор подтвердил, что епископ Антоний действитель-

*) Не было ли это ловким маневром со стороны Зосимы на случай, что если откроются подобные преступления, то можно будет доказать, что они выдуманы, что он уже заранее предупреждал об их измышлениях.

во препроводил к нему означенное донесение Зосимы, но оно было им — губернатором — возвращено обратно.

Далее Банин для характеристики Зосимы сообщал о преследовании последним вышеупомянутого Покровского. Последний, окончив курс дух. семинарии, был принят Зосимой в монастырь на должность учителя. Прослужив некоторое время, Покровский пожелал уйти из монастыря, не смотря на убеждения Зосимы и архиерея, боявшихся выпустить его, как знавшего многое из их неблагоприятных поступков тайн. Они успели добиться у Покровского обещания немедленно оставить Красноярск, что тот и собирался уже сделать, но познакомившись случайно с полковником Баниным, принявшим в нем участие, остался в названном городе и поступил на службу в Красноярскую контрольную палату. Зосиме, конечно не могло быть это приятно; — тем более, что он догадался, что писец вышеупомянутых анонимных из монастыря доносов был отерит Баниным благодаря Покровскому. Отец Зосима воздвиг на Покровского гонение, и благодаря вниманию архиерея, успел достигнуть увольнения его из Красноярской контр. палаты. Полковник Банин просил управляющего палатой Ковальского сообщить о причинах увольнения Покровского, на что Ковальский и ответил, что по собранным им сведениям, подтвержденным присланным ему от архиерея документом, Покровский, проживая в монастыре, заявил себя там с неблагоприятной стороны. Этим документом оказался доклад Зосимы архиерею. Зосима докладывал, что Покровский каким то образом поступил на службу в контрольную палату, повел агитацию против монастырей, целество отзываясь о порядках в них и о личности самого Зосимы, в силу чего было бы весьма желательно просить об удалении его со службы. („Дело“ т. I. л. 236—237).

Мы нарочно сравнительно так подробно остановились на истории борьбы Зосимы с жандармским полковником Баниным. Во 1-х, — эта история показывает, насколько был неразборчив в средствах для достижения своих целей Зосима и насколько он был предприимчив и предусмотрителен, во 2-х, — из этой истории видно, что о достижении каких либо высоких христианских целей он совершенно не думал, а думал только о том, как бы уничтожить своих противников, дабы впредь не повадно было и другим, могущим быть недоброжелателям. Вообще здесь ярко и выпукло выявился весь нравственный облик Зосимы, как человека очень далекого от осуществления в своей жизни монашеских и христианских идей и начал.

Донесения полковника Банина возымели свое действие. Шеф жандармов 12-го августа 1876 года за № 3259 о деятельности епископа Антония и Зосимы сообщает для расследования Св. Синоду, а этот последний копию с его отношения препровождает при особом указе за № 88 Еп. Антонию, требуя немедленных объяснений.—

Так началась довольно продолжительная переписка между Антонием и Зосимой, Синодом и шефом жандармов, в результате которой полковник Банин был смещен, но не поздоровилось и Антонию. „Для пользы службы“ он был перемещен в Пензенскую епархию, куда к нему поспешил вкзехать и Зосима.

* * *

К сожалению, в „деле“ ясных и определенных документов о „подвигах“ Зосимы в Пензенской епархии нет а есть только туманные намеки.

Наученный горьким опытом, что нельзя рубить дерева не поплечу, Зосима в Пензе вступает в самые тесные и дружеские отношения с гражданскими властями. У губернатора он бывает запросто и последний любовно называет его „кувалкой.“ У жандармерии он желанный и „услужливый“ гость.

В 1883 году Зосима получает сан игумена со вручением ему жезла. В 1886 году уже возводится в сан Архимандрита. („Дело“ т. I. л. 254 об.)

В общем же,—судя по некоторым намекам документов,—в Пензе повторяется та же картина, что и в Красноярске: та же бессовестная эксплуатация и обирание верующего народа, тот же плохо прикрытый монастырский разврат.

И здесь, как и в Красноярске, Зосима становится во главе монастырей. Краснослободского Спасо-Преображенского монастыря он-настоятель и архимандрит, в Серафимовской женской обители он-блаженный и духовник.

Но очевидно, что то и здесь случилось у Зосимы такое сверхординарное, такое из ряда вон выходящее, что Синод в 1888 году нашел нужным перевести его, несмотря на просьбы Антония, в Соловецкий монастырь в число братья, под строгий надзор настоятеля. В указе Синода (№ 1565 от 8-го апреля) не упомянута причина подобной немилости, но в некоторых других документах есть туманный намек, что

этот и последующие переводы Зосимы сделаны за его „склонность к знакомству с женским полом и другие блазвенные поступки.“ (Отношение Владимирской дух. консистории от 3 го июля 1903 года за № 7036).

К указанному этому времени у Зосимы были уже завязаны большие и крепкие связи в высших духовных сферах. Он почтительно переписывался с обер-прокурором Синода Победопоспевым и его товарищем Саблером. Довольно деятельную и даже дружескую переписку вел он с членами Синода и многими архиереями. Несколько раз он ездил в Петербург. Но теперь не помогли ему никакие связи. Как ни хлопотал Зосима, каких только стараний ни употреблял он, но, в конце концов, ехать в Соловецкий монастырь ему все-таки пришлось. —

* * *

О пребывании Зосимы в Соловецком монастыре сведений имеет-ся очень немного, да и пробыл он здесь всего несколько месяцев.

С первых же дней своего прибывания здесь Зосима повел среди монахов искусную агитацию против настоятеля монастыря с целью самому занять его место. Вместе с подговоренной им монастырской братией Зосима делает донос Синоду о разного рода денежных злоупотреблениях настоятеля. В результате Синодской ревизии происходят большие перемены в составе братии монастыря. Настоятель архимандрит Мелентий увольняется на покой, епископу Архангельскому Александру делается строгое замечание. Но лично для себя Зосима не получил выгоды. Напрасно высшие его защитники и покровители хлопотали за него перед Победопоспевым, напрасно и сам он усиленно просил последнего о каком нибудь себе внимании. В судьбе его действительно произошла перемена, но не в лучшую сторону. В конце сентября 1888 года он был переведен в число братии захолустного Николо-Прилуцкого монастыря вблизи города Великого Устюга („Дело“ т. I л. 255.)

* * *

Четыре года пожил в указанном монастыре арх. Зосима. Какова же была эта жизнь, говорит следующее конфиденциальное письмо епископа Велико-устюжского Варсонофия на имя настоятеля Прилуцкого монастыря иеромонаха Павла от 14-го августа 1892 года за 108. —

„До сведения моего дошли, — пишет названный епископ, — что проживающий в числе братии вверенного Вам монастыря, по распоряжению высшего начальства, арх. Зосима ведет своеобразную жизнь, не правит своей чредой служителей, а вместо того только самовольно исповедует приходящих богомольцев и преимущественно, и почти исключительно лиц женского пола; самовольно отлучается из монастыря в соседние города и села, в которых живут состоятельные лица, служит самостоятельно всеобщие и литургии, говорит длинные поучения в перерывах без разрешения настоятелей, искусственно притворяется необычайно благочестивым, а через все это производит соблазн и расстройство в порядке церковной жизни. В виду этих поступков со стороны архимандрита Зосимы предписывается Вам, по получении сего, учредить за ним строгий надзор и о жизни, поведении и отлучках доносить еженедельно мне отдельным рапортом.“

Но соблазн, очевидно, — был уже очень велик. Можно было ожидать таких разоблачений, от которых церковь могла бы понести „лавный ущерб.“ что вечно было не в интересах Синода.

И вот последний указом своим от 14-го ноября 1892 года за № 4614, переводит Зосиму в число братии Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Владимирской епархии.

Нужно заметить, что в Прилуцком монастыре Зосима открыл в себе „дур лечения.“ Сначала маслицем из лампадки, потом разными снадобьями он стал лечить некоторых больных богомольцев. Само собой разумеется, что слава об этом „даре“ быстро разнеслась по окрестным селениям и по тор. Устюгу. Потянулись в монастырь разного рода недужные, особенно женщины; потекли и щедрые пожертвования. Но в то же время распространились слухи о том, что при лечении Зосимой часто заставляет страдать женскую стыдливость, помазывая „маслицем из лампадки“ самые сокровенные части женского тела. Вот эти слухи вместе с донесением еп. Варсонофия и были одною из причин того, что Синод решил заключить его в самый строгий монастырь — тюрьму.

* * *

Появлению Зосимы в Суздале предшествовала грозная синодальная бумага, из которой видно, что, по указу Синода, на основании бывших в Сибире суждений, арх. Зосима перемещается в Спасо-Евфимиев монастырь хотя и „для пользы службы,“ но под строгий надзор

настоятеля, с поручением Владимирскому епархиальному преосвященному в случае неблагоприятных и блазненных со стороны Зосимы поступков, немедленно поместить последнего в арестантское отделение означенного монастыря, а о поступках его войти в св. Синод с рапортом особо" (См. отношение Владимирской д. консистории на имя судебного следователя, от 3-го июля 1903 года за № 7036).

Казалось, что духовное начальство решило, наконец, окончательно покончить с Зосимой. Арестантское отделение Спасо-Евфимиева монастыря это вещь не шуточная, по тому что узники здесь были изолированы от сообщения с внешним миром так же строго, как в обыкновенных тюрьмах тогдашнего времени. Но Зосима не верил, чтобы эта угроза когда нибудь была осуществлена, — и потому, хотя и сократился немного, но не настолько, чтобы совершенно перестать делать те безобразия и гнусности, которые он делал на протяжении всей своей монашеской жизни. В том же отношении Владимирской дух. консистории, которое нами цитировано, мы далее читаем: „Склонность архимандрита Зосимы к знакомству с женским полом за время пребывания его в Спасо Евфимиевом монастыре была замечена настоятелем названного монастыря, о чем он в 1894 году и доносил со старшей братией епархиальному начальству, но последним не было найдено достаточных данных к заключению Зосимы в арестантское отделение“.

Управляющим Владимирской епархией был в то время близкий друг Зосимы епископ Тихон; а известно, что — „ворон ворону глаз не выклюнет“. Тихон, например, когда приезжал Зосима во Владимир обязательно посылал за ним на станцию своих лошадей и всегда любезно отдавал к его услугам свои покои.

Интересна, между прочим, следующая картина, рисующая монастырские нравы и в то же время ссору Зосимы с наместником монастыря из за денег некоего игумена Иосифа, которая описана преданным Зосиме келейником Иоаннигием, жившим с ним в Суздале.

„Тут в Суздале, — пишет Иоаннигий, — Зосима упрятал наместника монастыря под строгий надзор настоятеля этого монастыря из-за одного игумена Иосифа, бывшего настоятелем Введенской пустыни Владимирской епархии. Он тут же в Суздале жил на покое, а потом надумал умереть. Имел порядочный денежный капитал Упомянутый наместник приходит вечером в 10 часов и требует у умирающего игумена Иосифа деньги по приказанию настоятеля. Игумен Иосиф ему сначала деньги не отдавал. Тот говорит: я буду ломать пикаф. «Тогда

а опись билетов осталась у игумена. Он деньги унес в зал и говорит, что 56 билетов, а игумен кричит — „76“. Забрал деньги и ушел в пьяном виде в себе и там стал резать купоны. Некоторые билеты за полтора года обрезал, а купоны растерял. А послушник подобрал. Игумен Иосиф точно нарочно стал поправляться и жил еще 18 дней после этого. А на капитал и имущество сделал формально душеприкащиком о Зосиму. Вот о Зосима за все злодеяния и подвел под суд наместника, а тот довел на Зосиму, что у него в келье ночуют женщины, что он по временам отлучается из монастыря, куда, — никому не известно».

Итак, в этой ссоре Зосима оказался победителем; пусть на него сделан был донос, но за то деньги и деньги не малые остались за ним, как его „благовприобретенная“ собственность.

Но в общем свою жизнь в Суздале Зосима очень тяготился. Не было для него широкого размаха. По натуре своей он не мог жить в одиночестве. Ему нужна была всегда огромная аудитория, нужна была шумиха вокруг его имени, нужно было видимое почитание и преклонение пред ним. Но всего этого в Суздале он был лишен. Даже постоянная его „склонность к знакомству с женским полом“ не могла быть здесь удовлетворена вполне. За ним следили и даже хотели за склонность эту посадить в арестантское отделение монастыря.

Понятно отсюда, как томился в своем заточении Зосима и как он стремился переменить свое местожительство.

Он снова всюду рассылает прошения и письма. Снова обращается с горячай просьбой в Синод и к Победоносцеву с Саблером. Ему обещали перевод в Финляндскую епархию.

Дело о переводе однако почему-то затянулось. Но наконец „глас“ вопиющего Зосимы не остался „гласом вопиющего в пустыне“. Вырвал Зосиму из его тяжелого положения епископ Пермский Петр, хорошо и дружески знакомый ему по совместной службе в Вологодской епархии.

„Вас Высокопреосвященный Сергей — писал ему еп. Петр 1-го марта 1895 года, — благословляет на жизнь в ермскую епархию. Согласитесь ли на это св. Синод? По моему мнению, Вы большую пользу могли бы принести миссионерскому делу между черемисами. Почему-то мне верится, что Вы именно на миссионерском поприще между ними имели бы большой успех. Но как устроить это дело? Без протекции, без ходатайства сильных мира сего, как я знаю по опыту, каждое предприятие, как бы оно ни было полезно, оказывается большей частью

безуспешным. Я же не имею никого в Синоде, кто бы помог мне в исполнении Вашего желания. Другого места и должности я не могу указать Вам здесь“.

Снова полетели в Петербург слезные прошения и письма.

И вот наконец указом Синода от 12 октября 1895 года за № 5118, архимандрит Зосима перемещается в Пермскую епархию для миссионерской деятельности среди черемис, с определением в Пермский архиерейский дом, но снова „под строгий надзор преосвященного“.

Так появился архимандрит Зосима в Пермском крае, который потом стал для него роковым.

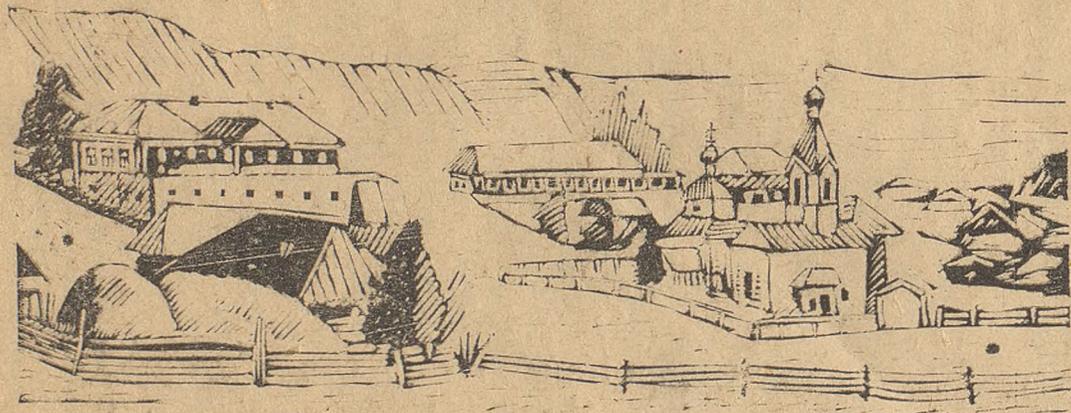
* * *

Насколько позволили те немногие и разрозненные документы, которые собраны в „деле“, мы проследили монашескую жизнь и деятельность Зосимы до появления его на жизненной сцене в Пермской епархии. Без подобного же ознакомления не был бы достаточно выявлен и не был бы психологически понятен тот последующий процесс, который произошел в Перми у Зосимы.

Как видно, жизнь Зосимы, где бы он ни был,—жизнь бурная и кипучая,—была и до Перми полна отталкивающих картин монашеского ханженства и шарлатанства, монашеского сребролюбия и гнусного разврата. Везде красной нитью проходит такое околпачивание и обирание простого верующего народа, такая его бессовестная эксплуатация, какая только и возможна у нас на Руси за церковными стенами, под покровом народной темноты и невежества.

Фон картины то сгущается, то ослабевает в своих мрачных красках. Но в общем этот фон остается таким гадливо-кошмарным, что последующий судебный процесс, как его естественное завершение, не поразит уже нас неожиданностью своих безумных ужасов и своими еще более сильными кошмарными гнусностями.

Вид основанной архимандритом Зосимой Боголюбской обители в с. Сарсах
Вторых Красноуфимского уезда Пермской губернии.

Прибытие архимандрита Зосимы в Пермскую епархию. Устройство им Боголюбской обители. Жизнь и порядки в обители. Соблазнительное поведение Зосимы.

Архимандрит Зосима прибыл в Пермь 24-го ноября 1895 года. В тот же день Пермский еп. Петр дал местной дух. консистории предписание о назначении его миссионером по Красноуфимскому уезду под личным и непосредственным руководством самого владыки.

Уже 1-го декабря 1895 года Зосима получает от еп. Петра сложную командировку для ревизии только что возникшего Белогорского монастыря. Относительно этой служебной командировки и тех первых впечатлений, какие произвел Зосима на местное епархиальное управление, имеется отзыв первенствующего члена Пермской дух. консистории, протоиерея Гр. Остроумова в письме к жившему в г. Красноуфимске почетному гражданину Степ. Мих. Коробову.*)

„К нам в гор. Пермь, — пишет Остроумов — по указу Синода прибыл архимандрит Зосима. Я пока не буду говорить, что в его жизни много странного и непонятного для нас. Довольно сказать, что он прибыл сюда из Суздальского Евфимиева монастыря, где был под особым строжайшим надзором. Но первое впечатление он произвел на нас благоприятное. Посмотрим что будет дальше. Владыка командировал его на Белую гору, чего требует и губернатор, чтобы о. Зосима вошел во весь быт и положение этой не признанной еще обители, *но успевшей уже прославиться своими безобразиями*. С Белой Горы о. Зосима отправляется в Красноуфимск, как миссионер среди черемис. Знакомьте его со всеми, с кем нужно. Я ему дал маршрут по черемисским приходам. Все это будет пока ознакомлением ему и пригововлением к его дальнейшей деятельности“ (30-го ноября 1895 г.).

*) Этот Коробов, между прочим, впоследствии так подпал под влияние Зосимы, что, не смотря на настойчивые слухи о покушении со стороны Зосимы на целомудрие его дочери, при производстве следствия потратил в высшей степени много энергии и личных материальных средств, чтобы как нибудь затушевать и даже прекратить судебный процесс.

Получив такой прекрасный прием, при самом предупредительном к себе отношении, Зосима, конечно, не мог, после всех своих последних мытарств, желать чего либо лучшего, как более крепкого обоснования своего в новой приютившей его епархии.

Побывав с ревизией на Белой Горе, познакомившись с порядками этого монастыря, быстро взвесив, что настоятельство в нем вещь во всех отношениях заманчивая, Зосима сразу повел компанию против Белогорского настоятеля Варлаама, с целью самому занять его место. Тонкий, но ясный намек на это он делает еп. Петру в своем отчете от 20-го апреля 1896 года за № 19 по ревизии названной обители.

„Внутренняя жизнь на Белой Горе, — пишет Зосима, — сама по себе свидетельствует, что насельники ее собрались, об'единились для одной высокообразумной цели... Но в последнее время появилось там нечто такое, которое наложило черное пятно на жизнь насельников юной обители и встревожило начальство. Это — самочиние и дурные наклонности, проявляемые некоторыми из так называемых „келлиотов — отшельников“. Принятые первоначально без надлежащего строгого искуса, проводя жизнь праздную, без должного надзора и руководства, не имея в себе страха Божьего, — при том не умея ни владеть, ни управлять собой, — вскоре же сбились с пути спасительного и быстро неудержимо рванулись на путь своеволия, простора, бесчиния и разгула и всем тем, в лице своем, занявали обитель“. (Как будто сам то Зосима был других более высоких нравственных качеств).

„В виду такого глубоко печального явления — прибавляет Зосима — следует заведующему обителью строго внушить отнюдь ничего не делать по своей воле и по своему личному умозаключению.

Иеромонах Варлаам, — заведующий обителью, — будучи в жизни святоиноческой, — особенно как руководитель и наставник, — неопытным, сам не прошедший курса иноческого самоотречения и послушания и недавно только обратившийся из раскола, естественно, — нужно призывать, — *мало соответствует высокому призванию быть настоятелем — аввой в обители, только возродившейся к жизни.*“

Однако, Варлаам был тогда в моде и фаворе; с ним в Перми по-сидись, как с будущим светилом и „праведником,“ — и потому маневр Зосимы „свалить“ Варлаама с тем, чтобы самому занять его место, не удался...

Тогда то, — очевидно, — и зарождается у Зосимы мысль самому устроить для себя обитель, где бы он был полновластным и бескон-

трольным владыкой, где бы никто не мешал ему в его намерениях и планах и где бы он закончил свою жизнь, уже клонившуюся к закату.

Как инородческий миссионер по Красноуфимскому уезду, Зосима сначала поселился в г. Красноуфимске, куда к местной богадельне и хотел перенести церковь из Вторых Сарсов, устроив маленькую при ней обитель, дабы быть в последней настоятелем. Но почему-то сразу у него пошли здесь нелады и ссоры с местным соборным духовенством, которое не стало даже пускать его в алтарь.

Тогда Зосима основал свой миссионерский стан и резиденцию в центре черемисских поселений, в селе Сарсах Вторых, испросив указ епархиального начальства, чтобы все миссионерские приходы с инородческим населением, как и духовенство инородческих церквей, состояли под его непосредственным руководством и контролем.

Лицам, не знавшим действительной причины перехода из Красноуфимска в Сарсы, Зосима объяснял это следующим обстоятельством: „В одно время явились к Богу мученики Борис и Глеб (в честь которых, построена была в Сарсах Вторых, еще ранее Зосимы, деревянная церковь) и стали молиться: „Господи, ты знаешь, что отец наш был язычник и уверовал в тебя, что мы за твое имя также пролили кровь, что церковь наша находится среди язычников, а теперь явился архимандрит Зосима и хочет перенести отсюда наш храм“. На это Бог сказал: „Успокойтесь, святые мученики, храм Ваш останется на своем месте, а при нем будет архимандрит Зосима.“ („Дело“ т. I лист 124).

Уже летом 1896 года Зосима получает благословение от епископа Петра на открытие при названном стане школы-приюта для девочек черемисок, сирот и не сирот, — с богадельней для престарелых и немощных „в достославную память о священном короновании из императорских величеств“.

* * *

От устройства приюта и школы перейти к открытию и устройству монастыря было не трудно, в особенности для такого лица, как Зосима. —

И вот с свойственной ему энергией, быстротой и упорством Зосима принимается за устройство обители. „Склонность его к знакомству с женским полом,“ — как выразилась о Зосиме Владимирская дух. консистория, — однако сказалась и здесь. Обитель предположена в открытую женская, с присвоением ей названия „Боголюбская“.

Всюду и везде, — в знакомым и незнакомым лицам, — по причтам

почти всех православных приходов России рассылаются Зосимой подписные листы для сбора пожертвований на открытие новой обители среди „дебрей язычества“ и „мрака ислама“.

Пожертвования полились обильным потоком. Местным владельцем Кунгурцевым выше церкви Сарсинской, — на взгорье, — жертвуется 2 десятины усадебной и пахотной земли, где и распланировывается будущая женская обитель.

Само собой разумеется, что Зосима прежде всего позаботился о себе, удобно, уютно и прилично приспособив для своего пребывания помещение бывшей Сарсинской школы, с прирубом к нему помещений для приема именитых гостей. Потом сооружается двухэтажный корпус — низ каменный верх деревянный — длиною в 9 сажень с соответствующей шириной и открытой на запад галлереей. Далее, на расстоянии 4 саж. от него, возводится другой корпус на таком же каменном этаже, — верх деревянный — длиною 10 с половиною саж. с открытою же галлереей на запад. Еще возводится деревянный одноэтажный корпус длиною в 9 саж. свех того заложен каменный двухэтажный корпус длиною в 19 саж.

И все это в один 1896 год!

Независимо от этого и в тот же год заготавливается для дальнейших построек обители свыше 600 дерев и половых досок свыше 500 штук; заготавливается алебаstra до 5.000 пуд., камня бутового и для выкладки стен — свыше 130 кубич. сажень. На все это Зосимой истрачивается свыше 10.000 рублей, которые он называет „личными средствами.“ (Все указанные сведения взяты из отчетов миссии Пермской епархии за 1896 и 1897 годы, — см. в архиве бывшей Пермской дух. консистории.)

Устроив для себя довольно светлое и просторное помещение с 6-ю комнатами, Зосима, — конечно, — не забыл обставить свою квартиру в высшей степени приличной и даже роскошной обстановкой. Не без хвастовства говорил он, что такой обстановки нет даже в покоях Пермского епископа.

Одевался Зосима только в шелковые рясы на светлой подкладке. Не даром Пензенский губернатор называл его „куколкой“. В холодную погоду Зосима носил дорогой подрясник на гагальем пуху. Вообще одежда богатых и разного рода драгоценных безделушек у Зосимы было очень много.

Между прочим, в числе других вещей были шитые золотом и

шелками дорогие туфли, которыми почему то очень дорожил он и в которых даже завещал похоронить себя. („Дело“ т I л. 72—81 об.).

* * *

А пожертвования все текут и текут..

Впоследствии, когда особая комиссия принимала от уезжавшего в Почаевскую Лавру Зосимы, Боголюбскую обитель (это тогда, когда начато было против него «дело» об изнасилованиях), то она составила следующий акт: „1902 года декабря 28-го дня. Мы-нижеподписавшиеся-во исполнение предписания Пермской духовной консистории от 23-го декабря, прибыв в село Сарсы—Вторые Красноуфимского уезда, для принятия имущества Боголюбского женского общежительного монастыря, составили настоящий акт в нижеследующем: 1) ввиду того,—с одной стороны,—что ни описи имуществу монастыря, *как собственности учредителя оного архимандрита Зосимы*, ни сооружениям монастыря, весьма значительным и ценным, со всем хозяйственным инвентарем,—ни описи церковному имуществу Борисо-Глебской в селе Сарсах-Вторых церкви доселе составленно не было, а составление таковых потребовало бы весьма значительное время,—с другой стороны,—в виду того, что учредитель и собственник монастыря архимандрит Зосима, в нашем общем присутствии и в присутствии исполняющей должность настоятельницы монастыря монахини Евгении и старших сестер заявил, что все сооружения и вообще все, что заведено им, на *„сумму 175 тысяч рублей, полностью безусловно отдается им в неотъемлемую собственность монастыря*, и все это имущество, как и строения—все на лицо,—состоит в полной исправности, целости и сохранности, а строения застрахованы им, архимандритом, на его имя в Северном Страховом обществе в сумме свыше 40.000 рублей-*положили* занести о сем в настоящий акт.“ (См. в делах бывшей Пермской консистории за 1902 год по Красноуфимскому уезду.)

Так вот на какую сумму собраны были Зосимой пожертвования на Боголюбскую обитель!

Но это только расход пожертвований, а каков был общий приход, сколько денег положено было Зосимой в разные банки и сберегательные кассы, это,—конечно,—никому, кроме него, не было известно.

18-го июня 1898 года, т. е., в день празднования Боголюбской Богоматери, происходила, так сказать, официальная закладка мо-

настыря, хотя фактически он уже сравнительно давно был наполнен насельниками разного возраста, которые принимались со вкладом от 150 руб. до 500 рублей, смотря по средствам, летам и способностям, — и только некоторые женщины, из крещеных инородцев, принимались бесплатно.

Не смотря на такой сравнительно большой вклад, обитель однако в количественном отношении год от году увеличивалась и разрасталась. Так в 1900 году, по показаниям свидетеля Удюрминского, служившего в то время диаконом в обители, в ней насчитывалось около 100 человек, считая в том числе человек 10 мальчиков, также открытого для них о. Зосимой приюта.

* * *

Своеобразна была жизнь в Боголюбской обители. Официально во главе обители стояла настоятельница — игуменья Евгения, женщина еще сравнительно молодая и красивая. Это была давнишняя знакомая Зосимы по гор Устюгу, когда он жил в Прилуцком монастыре Устюжского уезда, откуда она и была им выписана. Женщина она была безвольная и каждое слово Зосимы для нее было законом, так что фактически настоятелем монастыря и полновластным владыкой в нем был один только Зосима. Последнего все сестры и приютянки монастыря должны были обязательно называть „папочкой.“

По свидетельству того же Удюрминского жизнь в монастыре была очень строгая. „Тут в обители своего „я“, — заявляет он, — ни у кого не было и не должно было быть. Все смотрели на все глазами о. Зосимы. Торжественностью службы, строгостью монастырского устава, да и даром влияния на людей, — просто какой-то непонятной силой внушения о. Зосима поработил себе окрестный народ и сестер обители и на него смотрели, как на святого. Сестры и приютянки из обители не отпускались, свидания девушкам с отцами не давались, а матери допускались в них только в особой комнате и в присутствии самого Зосимы, который ревниво вслушивался в разговоры и вмешивался в них. Сестрам и приютянкам Зосима внушал постоянно, что личного „я“ у них не существует, что они безраздельно принадлежат только ему, что он для них все, что над ним особый промысел Божий и что он — сосуд заправленный (?), но с ароматами и что ароматы эти все-таки пребываются через этот сосуд.“ („Дело“ т. I, л. 127.)

По праздникам Зосима принимал к себе на квартиру сестер и приютанок, угощал их чаем и сладостями, а некоторым девункам дарил пряники с надписью „любви меня“, или с изображением сердца, пронзенного стрелой.

Вообще Зосима, повидимому, находил большое удовольствие проводить время среди женской монастырской молодежи даже вне монастырских стен. Так, — при поездках по подчиненным ему инородческим и миссионерским церквам, он обязательно брал с собой хор певчих из тех же молодых сестер и приютанок, при чем некоторых из них возил в одном с собой экипаже, а во время работ при ломке и перевозке камня для монастырских построек садился в тележку и заставлял эту молодежь катать его с горы. („Дело“ т. I, л. 192.)

Как ни странны и своеобразны были подобные отношения, однако, — по словам одного из свидетелей, — священника Корватовского — никто в обители не находил в этом чего либо уж очень предосудительного и соблазнительного. Обитель на все смотрела глазами Зосимы. Что было хорошо ему, то было хорошо монашенкам, что было нехорошо о. Зосиме, то нехорошо и обители. Собственного взгляда на вещи обитель не имела, так как воля всей обители была порабощена о. Зосимой. („Дело“ т. I, с. 98 обор.)

На сколько все в обители были порабощены и обезволены Зосимой и на сколько, так сказать, благоговели перед ним, показывает, например, следующий факт, рассказанный одним из свидетелей: „Когда он — Зосима рассердится на кого либо и нестанет обедать, то все приходило в уныние: сестры ходили в слезах и только и слышно было: „паночка рассердился, паночка не обедал.“ („Дело“ т. I, л. 182).

И только для людей свежих, еще не поднавших под влияние Зосимы, и не утративших своего личного „я“, подобные монастырские порядки и вся монастырская жизнь Боголюбской обители могла казаться и действительно казалась не всем отвечающей требованиям элементарной нравственности. Так, например, диаков Удюминский, служивший в монастыре, считал странным, почему в покоях архимандрита прислуживают молодые сестры и приютанки, а не пожилые или даже мальчики; — игуменья же Евгения ничего „странного“ в этом не находила и считала такой порядок вполне естественным и нормальным (?).

„Не приличествующие монаху отношения к женщинам, — говорит Удюминский, — я заметил у о. Зосимы с самого поступления моего на службу в Боголюбский монастырь. Прежде всего бросалось в глаза то

что Зосима окружил себя именно молодыми девицами. Они прислужничали ему днем и оставались по ночам дежурить в его квартире. На дежурства, за время моей службы, назначались девушки из молодых сестер и приютанок *только по выбору самого о. Зосимы*. Для них имелась особая комната, находившаяся в непосредственной связи с другими комнатами архимандрита. Днем дежурные прибирались в комнатах и прислужничали архимандриту, а для чего собственно они оставались в квартире о. Зосимы на ночь, это для меня было не понятно. Квартира архимандрита тогда помещалась в верхнем этаже полукаменного корпуса и состояла из 6-ти комнат. На ночь дверь, ведущая из сеней в квартиру архимандрита, запиралась изнутри, а все окна квартиры обязательно завешивались ситцевыми занавесками. Хотя указанные выше обстоятельства могли давать основание к нехорошим предположениям, но так как трудно верилось, чтобы монах и архимандрит мог дурно вести себя, то я старался отогнать от себя плохие подозрения⁴.

„Чтобы отогнать сомнения, я раз как то, — прибавляет Удюрминский, — при удобном случае задал о. Зосиме вопрос, зачем он берет на дежурства к себе по ночам девушек, а не мальчиков. На это о. Зосима сказал мне, что если он будет брать мальчиков, то пойдут кривотолки, а по отношению к женщинам его, как старого монаха, ни в чем заподозрить не могут“.^{*})

„Задать вопрос, зачем он в таком случае не назначает на дежурства сестер пожилых лет, мне, — говорит Удюрминский, — было не удобно, так как тут он сразу бы догадался, в чем я его подозреваю“...

„Как-то вскоре после этого. — сообщает далее свидетель, — днем я зашел в квартиру к о. Зосиме и когда вошел в прихожую комнату вдруг ко мне на встречу вышел из соседней столовой комнаты сильно смущенный о. Зосима и в тоже время я увидел стоящую в той же комнате девицу сестру обители — Аграфену Стахиеву. О. Зосима первым делом сказал мне, что он только что читал девушке нравоучение и к этому добавил: „А когда я делаю увещание девушкам, то целую их в лоб и говорю: „чтобы твои мысли не думали худого“, затем в уста: „чтобы твои уста не говорили худого“, и наконец в очи: „чтобы твои очи не смотрели на худое“. За что он читал нотацию Стахиевой, я — говорит

⁴) Очевидно, здесь Зосима намекал на педерастию, которая очень развита в наших мужских монастырях. Известный в Перми епископ Палладий не так давно был судим за подобную гнусность.

Удюрминский, — его не спросил, так как смущен был не менее его. Не скажи сам отец Зосима, что он целовал девушку и я не знал бы об этом, так как ничего ее видел, но дело в том, что в квартире архимандрита из передней комнаты в столовую устроено окно и о. Зосима, — думал, что я в это окно видел все, что происходило в столовой и сказал не нужно“. („Дело“ т. I, л. 125—126.)

„Странным находил порядки Боголюбской обители и священник этой обители Корватовский. „О. Зосиму, — показывает Корватовский, — я могу охарактеризовать, как человека даровитого и энергичного, но как монаха, одобрить не могу, так как окружение себя молодыми девушками не приличествовало его званию и сану“. „При мне, — сообщает Корватовский, — назначались на дежурства в покои архимандрита только молодые девушки, хотя пожилых послушниц было в обители не менее 15. Вести об этом разговор с о. архимандритом было неудобно, тем более, что из всех нас в обители, кроме о. Зосимы, своего „я“ не было, а во всем была воля одного архимандрита.“ („Дело“ т. I, л. 137.)

Свою „склонность к знакомству с женским полом“ Зосима не стеснялся обнаруживать даже в молебне. Так, однажды к нему в „покои“ зашли священник с Тавры Красноуфимского уезда Яков Чирков и диакон Удюрминский. Между прочим, — всякий приходящий в „покои“ к архимандриту, должен был сначала пойти в его молебню, дабы поклониться там каким то — святым „мощам“. Хотели выполнить подобный порядок и прибывшие, но к ним поспешно вышел из молебни сам Зосима, сильно смущенный; они же увидели в молебне скрывающуюся за дверью какою то девушку. По выходе затем из молебни, Зосима, сообразив, очевидно, что нужно было как нибудь об'яснить, что он там делал, обращаясь к девушке, сказал: „ты пришла за лекарствами, так иди, — дам тебе.“ С этими словами он направился в переднюю, где у него находилась аптечка, а за ним пошла и девушка, раскрасневшаяся и сильно смущенная. („Дело“ т. I, л. 126 об.)

Но простой верующий народ долго не замечал того, что следовало бы давно ему заметить.

Молва о „святости“ Зосимы, о его „прзорливости“ и удивительно умелом и успешном лечении разного рода болезней разнеслась далеко за пределы Пермской епархии.

Густыми веревницами шли толпы народа к новому „источнику благодати“, — неся сюда свои мужицкие скорби и слезы и свои мужицкие трудовые копейки. В одном из своих отчетов не без хвастовства сообщает

Зосима о том, сколько, например, перебивало у него народа даже за один великий пост 1897 года. „За время св. Четырдесятницы,—пишет он,—особенно рельефно выдвинулась необычайность громадного притока богомольцев в Сарсы, особенно из соседней Уфимской губернии. Одних говеющих причастников было за это время до 700 человек, а больных перебивало свыше 2.000 человек“. (См. „дела“ по миссии Певмской дух. консистории за 1897 год с отчетами миссионеров.)

* * *

Что же говорил этому народу Зосима?

Чем впечатлял он душу народную?

„Он постоянно говорил,—показывает одна свидетельница,—что он находится под влиянием Св. Духа; иногда за обедом или чаем засыпал в кресле и говорил с Божией Матерью(?) или ловил руками Христа, т.е. протягивал руки вперед и двигал ими таким образом, как будто хотел поймать что-то. Обыкновенно, после таких случаев, о. Зосима спрашивал, было ли над ним сияние, было ли „тепленько“ и к этому добавлял: „Христос ко мне являлся, Христа я видел“

„Я то,—говорит свидетельница,—никогда никакого сияния над Зосимой не видала и никакой теплоты не чувствовала,—и все-таки почему-то верила, что у него бывают видения. Я тогда, беседуя с о. Зосимой, прямо уверовала в него, как в святого“.

„О. Зосима,—сообщает она далее,—предсказывал день своей кончины. Он говорил, что умрет через 10 лет и приготовил себе могилу около алтаря. Раз на слова, обращенные к Зосиме, что же будет с нами, если не станет его—„папочки“, о. Зосима ответил: „берегите мои косточки, к вам будут ходить, как к Симеону Праведному (Верхотурскому) и будет вам чем жить“.

Посторонний народ, по словам свидетельницы, о. Зосима особенно увлекался лечением. Чем лечил о. Зосима народ, она не знает, а лечил он больных от всяких болезней.

„Теперь то я убедилась,—заванчивает свидетельница,—что о. Зосима далеко не святой, а что он только большой говорун и много в нем притворства“. („Дело“ т. I, л. 171 об. и 172).

Да,—эта свидетельница узнала и убедилась в том, что представлял собою Зосима в нравственном отношении и отошла от него, сбросив с себя его гипнотическое влияние.

Но как могли скоро разгадать Зосиму богомольцы, когда они приходили в монастырь,—самое большое,—на 3 на 5 дней. Тут нужны были какие нибудь вопиющие, до боли бьющие в глаза факты.

Впрочем и такие факты с некоторыми богомольцами случались, пробуждая в конце концов их от непонятного влечения к Зосиме.

В этом отношении интересно сообщение крестьянина с. Сарсов Леонтия Герасимова Вшивкова, данное судебному следователю 24-го мая 1902 года.

„Как-то, около 5 лет тому назад,—сообщает он,—у меня в доме остановилась прибывшая из Артинского завода к Зосиме молодая, красивая крестьянка, по имени и фамилии мне не известная. Она сказала мне, что, узнав про о. Зосиму, что он прозорливый, приехала просить его помочь ей от болезни „внутри“. Женщина эта пошла затем в монастырь, но скоро вернулась назад и, захохотав, сказала, что больше в Боголюбский монастырь не придет. На вопрос мой, почему это, женщина об'явила мне, что когда она сказала о. Зосиме про свою болезнь, то он осмотрел сначала у нее груди, а потом брюхо, и высказал, что пьяный муж или другой мужик свернул у нее матку и что он—Зосима—поправит это. Что далее происходило, женщина не сказала, а только об'яснила, что убежала из комнаты:“ („Дело“ т. I, л. 129 об.).

Не менее колоритна и следующая картина, которая обрисована некоей Агафьей Федоровой Платыгиной, крестьянкой Усть-Меши Красноуфимского уезда на допросе 18-го июля 1903 года.

„Около 6 или 7 лет тому назад,—говорит Платыгина.—когда мне было 16 лет, мать моя повела меня к архимандриту Боголюбского монастыря попросить у него совета для излечения меня от начавшихся у меня в утробе болей. У меня не было еще тогда „кровей“ и я думала, что от этого и начались у меня боли в животе. О. Зосима принял нас ласково, и, распросив нас про мою болезнь, обещал вылечить и велел прийти мне одной к нему на следующий день.“ „Не подозревая тут ничего худого,—прибавляет Платыгина,—я в 10 часов утра следующего дня пришла опять к о. Зосиме. Он пил чай, предложил и мне выпить с ним чашку чаю. Затем о. Зосима спросил меня, буду ли я исполнять его приказания и принимать его лекарство, а когда я ответила ему на это, что буду, то он принес из другой комнаты какую-то темную жидкость на дне рюмочки, разбавил эту жидкость водой и велел мне выпить ее, что я и сделала. Вслед почти затем о. Зосима велел мне следовать за ним и привел в свою спальню, где уложил меня на кро-

вать, закрыв лицо полотенцем. Пока затем я лежала сповойно, о. Зосима снял с себя верхнюю одежду и заголив меня, стал ложиться на меня. Я сильно испугалась, оттолкнула от себя о. Зосиму и с плачем заявила ему, что я его до себя не допущу. Тогда о. Зосима стал успокаивать меня, дал мне большой бумажный кулек с прививками и велел опять побывать у него на следующий день. И все-таки к о. Зосиме больше не пошла и не могла даже ходить в церковь Боголюбской обители, потому что стыдно было мне встречаться с о. Зосимой. („Дело“ т. I, л. 183, 184).

Вообще нужно заметить, что подобного рода „лечения“ не были исключительными и единичными явлениями у Зосимы. Это было его методом, уже давно выработанным, потому что мы уже встречались с ним еще во время прибывания Зосимы в Прилуцком монастыре.

Меняются краски в картине, меняются жертвы, но сущность остается неизменной, что и заявляет в своем показании некая Анна Ферапонтова, иллюстрируя эту мысль свою одним случаем из своей жизни.

„Я раз только ходила к о. Зосиме за медицинской помощью. — еобщает она, — но ушла — изволнованная и пораженная бесстыдством о. Зосимы. Дело в том, что я просила о. Зосиму дать мне средство от кружения головы, а он стал осматривать у меня груди и живот. Мне стыдно стало и я не позволила о. Зосиме продолжать этот осмотр.“ („Дело“ т. I, л. 131 об.).

* * *

В силу такого „метода“ лечения, — с одной стороны, — с другой, — в силу вообще небезупречной „склонности о. Зосимы к знакомству с женским полом,“ вскоре же после возникновения Боголюбской обители стали возникать, сначала правда глухие слухи о том, что в названном монастыре не все „благопристойно.“ „Слухам этим, говорит Ферапонтова, мы тогда, однако, не верили, потому что трудно было поверить, чтобы всеми чтимый старец Зосима мог так не хорошо вести себя.“ Но слухи все росли, все усиливались, потому что учащались и нарастали случаи, которые питали эти слухи.

Особенно настойчиво и упорно распространились они после довольно шумного и громкого скандала, происшедшего в монастыре на так называемой романтической почве.

В монастыре был эконом, некий Иванов, женатый на довольно

бойкой, разбитной и красивой женщине. О. Зосима очень „благоволил“ к последней и она часто распорядилась в монастыре, как у себя дома.

„Вот в квартире этих-то Ивановых,—говорит свидетельница Дарья Плотникова,—я впервые и имела возможность заметить, что о. Зосима не прочь полюбезничать с женщинами.“

„Как то раз,—поясняет она,—я вышла зачем-то на монастырский двор и вдруг узнала от какой-то из сестер, что „папочка“, т.е. о. Зосима, направился в квартиру Ивановых. Так как нам, сестрам, строго воспрещалось ходить по двору без дела, то я скоро побежала к себе в квартиру (она жила у Ивановых). Дверь от устроенного в первой горнице чулана, в котором хранились разные припасы монастыря, оказалась приотворенной и я через щель увидела стоящих в чулане и целующихся о. Зосиму и Иванову. Что дальше они делали, я не видала, так как поспешила уйти к себе в горницу“.

Плотникова как-то рассказала об этом одной из сестер, а та, очевидно, передала о. Зосиме. Последний призвал к себе Плотникову, долго ее „бачалил“, грозил даже выгнать ее из монастыря за распространение сплетен.

„И я,—прибавляет Плотникова,—сама стала думать, действительно ли было то, что я видела. Но как то раз о. Зосима вспомнил про указанный случай и сказал мне, что действительно поцеловал тогда Иванову, но сделал это для того, чтобы исцелить ее от лихорадки. К этому о. Зосима добавил, что когда он был в каком то монастыре, то к нему пришли какие-то две барышни и одну из этих барышен он поцеловал. Родители сначала обиделись за это на него о. Зосиму, — и подали было жалобу, но потом взяли ее обратно, так как барышня после поцелуя сделалась солидной (?) и умной. О. Зосима так убедительно объяснил мне, что поцелуем может исцелить у женщины физический или нравственный недуг, что я вполне поверила его словам“.

(„Дело“ т. I, л. 171 об.).

Однако подобными уверениями и разъяснениями о. Зосима все-таки не предотвратил скандала.

Как-то раз на Пасхе, года за два или за три до возникновения судебного дела о. Зосимы, поздно вечером, во дворе Боголюбского монастыря поднялся сильный шум. То шумели и ругались пьяные эконом монастыря Иванов и чертежник Воробьев. Дело в том, что Иванов, вернувшись откуда то в свою квартиру, не застал дома жены своей и, узнав, что она находится в покоях архимандрита, вытащил ее оттуда,

привел домой и стал бить за „измену,“ после чего она опять убежала к архимандриту. Вот из-за этого то Иванов и стал буянить. Когда на шум вышел Зосима, Иванов набросился на него, с криком: „зачем ты отбиваешь у меня жену и живешь с ней?“ стал ругать его скверными словами и наконец бросил в него большим камнем и чуть не зашиб. Обескураженный и сильно взволнованный Зосима, распорядился Иванова и Воробьева посадить в холодную избу.

Однако, скандал и шум взбодуражили все Сарсы и всю обитель и стали потом предметом усиленных толков и разговоров.

Вообще атмосфера слухов и пересудов вокруг Боголюбской обители все сгущалась и сгущалась. Местное население уже довольно сильно разочаровалось в Зосиме и смеялось над его „святостью.“ Среди насельниц монастыря пошли сцены ревности, интриги и сплетни.

„И жизнь у нас в обители,—заявляет одна из послушниц,—стала просто невозможной.“ („Дело“ т. I, л. 172 об.).

*
*
*

Атмосфера сгущалась. Мрачные тучи все ниже спускались. Рано или поздно, — гроза должна была разразиться.

И она разразилась: на Зосиму подаются жалобы в изнасиловании и растлении им малолетних насельниц устроенного им же Боголюбского женского монастыря, предварительное следствие по которым и обнаружило все кошмарные ужасы, произведенные здесь Зосимой.

Его высокий покровитель епископ Петр к этому времени умер. Не стало человека, под защитой которого Зосима чувствовал себя, как за каменной стеной. Умер и протоиерей Остроумов, везде поддерживавший Зосиму. Место епископа Петра занял епископ Иоанн, человек очень суровый, аскет по жизни, глубоко всегда возмущавшийся безнравственной жизнью монахов и вообще стремившийся вернуть церковь к ее первобытной простоте.

Правда, остались еще у Зосимы высокие покровители в Петербурге, но они могли сделать только то, что в декабре 1902 года он был переведен в число братии Почаевской Лавры, Волынской губернии. Прделана была прежняя процедура в надежде, что так же, как и ранее, — с переводом Зосимы из одного монастыря в другой, — ослабевут и утихнут слухи об его безобразиях и гнусностях, и дело не дойдет до

законного возмездия. Может быть, так и было бы, если бы прежняя безнаказанность не сделала Зосиму таким самоуверенным, каким он оказался.

Возможно, конечно, и другое еще более худшее, если бы, например, еще долго жил епископ Петр и если-бы Горожанинова начала дело только у епархиальной власти, то оно как нибудь было бы потушено в самом начале. Зосима дожил бы свои дни и умер. Сохранили бы тогда его могилку, сберегли бы его косточки, как просил он. Потекли бы снова толпы богомольцев уже к этой могилке. Начались бы слухи о чудотворениях и исцелениях.

И вот появился бы новый святой православной церкви.

Но оскорбленное чувство матери оказалось выше чувства религиозного.

„И не столько для того, чтобы покарать за все Зосиму, поданы были на него жалобы, как говорит 63-х летняя старушка свидетельница Плотникова, а главным образом потому, чтобы спасти от позора тех честных и невинных девушек монастыря, которые еще не были изнасилованы и не были развращены Зосимой.“ („Дело“ т. I. л. 173 об.).

III.

Предварительное следствие над архимандритом Зосимой по жалобам Горожаниновой и Кусакиной.

То, что нами описано про Зосиму, стало известно только благодаря возникшему о сем, предварительному судебному следствию. Если бы не это следствие, „художества“ Зосими не были бы зафиксированы. Слухи и пересуды постепенно заглохли бы и прекратились. А Зосима тем временем безнаказанно продолжал бы делать все новые и новые гнусности под покровом благочестия и веры.

Но вот чаша терпения бедных и обезволенных женщин—населения монастыря—наконец переполнилась. Послушница обители Дарья Плотникова еще летом и осенью 1901 года подает на имя Пермского епископа Иоанна четыре жалобы, чтобы спасти, — как говорит она, — тех честных монастырских девушек, которые еще не изнасилованы Зосимой.

Правда, только одна из четырех жалоб дошла по назначению. Тем не менее и она возымела свое действие. Епископом Иоанном через местного духовного следователя произведено было дознание („не гласное“) о поступках Зосимы „против благочиния и благоповедения“, — как выражались тогда духовные власти.

Результаты для Зосимы оказались плачевные. Правда, нам не известно, что именно обнаружило и раскрыло не гласное духовное дознание. Но факт тот, что епископ Иоанн от своего имени обратился в Синод с горячей просьбой, как можно скорее убрать от него из епархии Зосиму. В результате 12-го декабря 1902 года и последовал перевод последнего в число братии Почаевской лавры Волынской епархии.

Интересна, между прочим, личность той Дарьи Плотниковой, которая первая возвысила свой голос против Зосимы. Шестидесяти трехлетняя вдова — она, узнав про открывшуюся Боголюбскую обитель, решила в 1899 году поступить в нее, сделав предварительно взнос в 600 руб., а потом через полгода пожертвовала на монастырь и еще 500 руб. Это сразу же создало ей в монастыре привилегированное положение, — тем более, что в будущем от нее можно было ожидать еще больших щедрых пожертвований, так как она имела в г. Уфе несколько домов. Зосима поселил ее не в общем корпусе, а в квартире эконома. Когда к нему приезжали гости, а также во все праздники, он неизменно приглашал Плотникову к себе обедать, в другие же дни обязательно посылал ей кушанья со своего стола; наконец, однажды — месяца на три — взял даже жить ее к себе в покои.

Но чем дальше жила Плотникова при монастыре, чем больше еприглядывалась она к Зосиме и к монастырским порядкам, тем больше убеждалась, что душевного покоя и своего „спасенья от грехов“ ей здесь не достигнуть.

Как-то летом 1901 г. она моясь с другими сестрами в бане, заметила, что сестра девица Мария Токарева — беременна. Плотникова была поражена, так как Токарева была девушкой очень тихой и скромной. В виду того, что Токарева должна была ходить в церкви со свечей, а народу в церкви всегда бывало много, то чтобы ктонибудь не заметил беременности Токаревой, Плотникова обратила на это внимание старшей сестры. В тот же день Токарева вызывалась Зосимой, который что то с ней тихо поговорил, а потом Токарева захворала. Самой же Плотниковой от Зосимы дан был нагоняй, чтобы она не говорила того, чего нет.

„Недели через две после этого, — говорит Плотникова, — ко мне в келью пришла Токарева, которая раньше ко мне не ходила и сказала, что она немного хворала, а теперь поправилась, живота у нее заметно не было. Я поняла что Токарева пришла ко мне затем, чтобы показать отсутствие беременности. Одни тогда говорили, что Токарева была беременна, другие, в том числе и о. Зосима, что она болела водянкой. Но я знаю прибавляет Плотникова, — что при водянке бывают отеки рук и ног и кожа делается блестящей, а этого у Токаревой не было: у ней налились груди, соски стали черноватые, а таз широкий.“ („Дело“ т. I, л. 21—22).

Описанный случай сам по себе, конечно, малозначительный; но для Плотниковой он имел большое значение.

„Как это возможно, — сама себе задавала она вопрос, — чтобы в монастыре могли быть беременные девушки, которые безнаказанно вытравляют беременность и о. Зосима потворствует этому“?

Впоследствии она убедилась, что здесь — не только было потворство, но и явное пособничество. Ей приходилось слышать от многих девиц, что они часто простужаются, хотя носят пантолоны, и вследствие этой простуды у них прекращаются менструации, а также бывает полнота. Тогда Зосима лечил их какой то беловатой жидкостью; от которой девушек „пронесет“ и они становятся здоровыми.

А тут еще стали доходить до Плотниковой слухи, что народ подсмеивается над содержащимися в приюте маленькими детьми, считая их „тайными детками“ монашек.

Наконец обнаружился случай изнасилования самим Зосимой Екатерины Кусакиной, что явилось причиной сознания перед Плотниковой в том же „грехе“ Зосими и некоторых других насельниц монастыря. Из них ее родственница Татьяна Морозова рассказала Плотниковой даже некоторые подробности. По словам Морозовой, — однажды она дежурила у Зосимы. Ночью, когда кроме нее и Зосимы в покоях его никого не было, он заставил ее растирать ему ноги, а потом схватил ее повалил на кровать и насильственно совершил с нею половое совокупление, лишив ее невинности.

Ужас охватил душу Плотниковой.

А факты подобных изнасилований все нарастали и нарастали...

Картина оставалась одной и той же. Девушки приходили дежурить. Ночью Зосима или звал их к себе под предлогом растирания ног, или сам приходил к ним. Потом утешал он обесчещенных деву-

шек тем, что без греха нет покаяния, без покаяния же спасения, что для того, чтобы получить спасение, они должны согрешить, а уже если грешить, то лучше всего с ним, посящим в себе „благодать Св. Духа“, каковая и освятит их в дальнейшей жизни, а сам, он, как священник простит им и замолит грех.

Стало тогда понятной Плотниковой и та сравнительно большая смертность, каковая наблюдалась среди молодых насельниц монастыря. У всех у них была одна и та же болезнь, жаловались они на боли в животе. Их неоднократно тошнило, что и привело Плотникову к тому ужасному предположению, что смерть их последовала от тех лекарств, которые давал им Зосима для уничтожения беременности.

Вот,—собрав все эти и подобные им ужасные и кошмарные факты—Плотникова и стала подавать жалобы епископу Иоанну. Первые две не были отправлены теми, кого она просила; третью кто то взял из кельи и наконец для четвертой она подговорила жившего во Вторых Сарсах крестьянина Федосея Леонтьева Вшивкова съездить в Красноуфимск и сдать пакет на почту.

Само собой разумеется, что хотя по жалобе производилось дознание „негласное,“ однако Зосима узнал о нем.—узнал, кто писал жалобу и кто отвозил ее на почту. Рушились таким образом, все предосторожности, которыми так тщательно отраждал свои грехности Зосима. Монастырские тайны выливались наружу. Не помогли в этом отношении ни сила внушения и обаяния перед святостью личности Зосимы, ни весь тот строгий монастырский режим, который им был заведен и при котором ни одна насельница обители без его воли и ведома не могла иметь сообщения с внешним миром и даже со своими близкими родственниками.

Понятно отсюда, как был взбешен Зосима.

И вот он, вызвав Вшивкова, набросился на него с криком: „как ты смел подать жалобу. Разве ты не знаешь, что за это я могу сослать тебя в каторгу?“—

„Я,—как солдат,—сообщает Вшивков,—не сробел, а так как мое дело было тут сторона, то и рассказал, от кого была жалоба и куда была послана“.

Тогда, — по дальнейшим показаниям Вшивкова, — Зосима сильно взволнованный, позвал монашек и велел им сходить за Плотниковой. Ходили 3 раза, но та не шла. Тогда он послал за ней монастырских работников со словами: „тащите ее за что попало.“ Но от последних Плотникова вырвалась и с криком „караул“ бросилась в лавку торгов-

ьи Евстигнеевны. Тем временем Зосима послал монашек в келью Плотниковой для производства обыска на тот предмет, не окажется ли там черновиков жалоб. Плотникова, наконец, была поймана и приведена перед грозные очи Зосимы. Дрожащая от страха, вся в слезах, долго не сознавалась она, но в конце концов рассказала все. Взбешенный Зосима выгнал тогда Плотникову на улицу, велел запереть ее келью и приказал никому не пускать ее ночевать.

„Старуха, — прибавляет Вшивков, — в легонькой одежде осталась на морозе, а погода стояла тогда очень холодная и я на мольбу Плотниковой решился взять ее к себе на квартиру“ („Дело“ т. I, л. л. 134-135).

* * *

Тем временем гроза надвигалась на Зосиму и с другой стороны и эту грозу уже нельзя было предотвратить.

29-го ноября 1902 года, послушница Боголюбского монастыря Агафоника Павлова Горожанинова на имя товарища прокурора по Красноуфимскому уезду подает заявление о том, что Зосима изнасиловал ее двух дочерей Анну и Марфу. 17-го декабря того же года и на имя того же товарища прокурора она подает второе заявление, в котором пишет, что указанное насилие совершено над ее детьми — у Марфы ранее 14 лет, у Анны ранее 16 лет, — но у обоих на первом году их монастырской жизни.

Однако, как же узнала Горожанинова об изнасиловании дочерей своих, если последние, как и все в монастыре, боялись и не имели возможности говорить не только об этом, но и вообще свободно сообщаться друг с другом помимо воли Зосимы, при том строгом режиме, какой царил в монастыре?

Дело это обнаружилось следующим образом: 7 ноября 1902 года вышла из монастыря в „мир“ насельница монастыря Александра Егорова Кобякова, жившая здесь с 1897 г. Причину своего ухода она не стала скрывать перед своими родными и знакомыми. Раз как то, в одно из своих дежурств в покоях Зосимы, когда она собиралась ложиться спать, в дежурную комнату явился Зосима и стал приставать к ней с любовными предложениями. Кобякова бросилась бежать из комнаты, но Зосима поймал ее сзади и стал тащить к себе. Однако Кобякова ухватила руками за скобку от дверей и пригрозила что будет кричать о помощи, если Зосима ее не оставит в покое. От некоторых сестер и приютанок она

уже слышала, что Зосима во время дежурства их, набрасывался на них ночью с целью полового сношения, в чем иногда и успевал, производя насилия и растления.

После этого с ней случая Кобыковой стало так нравственно больно, обидно и стыдно, что она тогда же решила, при первом удобном моменте, монастырь оставить.

„За последнее время,—говорила Кобыкова,—жизнь в нашей обители стала просто невозможной. Сестры стали подсмеиваться одна над другой, упрекая друг дружку в любовной связи с о. Зосимой. Пошли интриги, сплетни, и просто жизнь многим опротивела. О. Зосима потерял в моих глазах всякое уважение. Такая нехорошая жизнь в монастыре заставила нас—многих девушек—призадуматься над тем, не будет ли в будущем еще хуже и не лучше ли уйти из монастыря? Я первая заявила Зосиме о своем выходе. Он не пускал меня, кричал: „Безумная! Матерь Божия накажет тебя“,—допытывал меня, почему я ухожу из обители, но я на это отвечала тем только, что не хочу жить и ушла“. („Дело“ т. I, л. д. 145-164)

Многое и другое говорила на свободе о монастырской жизни Кобыкова, что потом и подтвердилось предварительным следствием. Так, например, по ее словам, однажды к Зосиме, приехала из г. Устюга разошедшаяся ради него с мужем купчиха Мария Павловна Цибасова, которая прогостила в монастыре около двух недель и все время днем и ночью была в покоях Зосимы, находясь с ним в самых интимных отношениях. В другой раз и тоже из г. Устюга к нему приехала беременная девушка Мария Охлопкова, якобы под предлогом лечения. Проживала она в покоях Зосимы около двух месяцев и уехала в Бирский уезд Уфимской губернии к матери, монастырской приютанки Нины Нос,—Анне Гавриловне. Через некоторое время Анна Нос привезла в монастырь еще не крещенного младенца,—девочку, которую и окрестили в монастыре с именем Зинаиды. Зосима распустил слухи, что ребенок этот привезен от какой то старообрядки,—„кержачки“, но потом обнаружилось, что это ребенок упомянутой Охлопковой, о чем Анна Нос и сама говорила некоторым сестрам, да и видно было это из случайно оброненного последнею, письма, в котором Охлопкова просила Зосиму позаботиться об ее девочке, как ребенке, ему не безызвестном.

Поведала Кобыкова также и о том, что долгое время с Зосимой была в сожительстве послушница Татьяна Турьтева. Она постоянно находилась в покоях Зосимы, и пищу получала с его стола. Она устраи-

ивала иногда Зосиме сцены ревности, так что последний вынужден был во избежание скандала ее от себя удалить. („Дело“ т. I, л. л. 143-145 об.).

Слова Кобяковой, ее разговоры про монастырской разврат дошли до родителей послушницы Екатерины Кусакиной, — тем более, что последнюю, как одну из жертв Зосимы, Кобякова несколько раз упоминала в своих разговорах.

В страхе за свою дочь, поехали родители Кусакиной в Сарсы, что бы как можно скорее разузнать, — правду, или неправду говорит Кобякова. Они прежде всего явились к последней, и на обращенный к ней вопрос услышали: „спросите лучше Катю; она сама скажет все. Почему я ушла, потому и уйдет из монастыря и она.“ Родители тогда кинулись к архимандриту и когда сказали ему о цели своего прихода, то Зосима возмущенный-отрицал свой „грех“ с их дочерью Екатериной. Тогда они потребовали вызвать Катю и когда та явилась, то на вопрос родителей, правду ли говорит Кобякова, что ее растлил Зосима заплакала и сказала, что в присутствии Зосимы она ничего рассказать не в силах. Архимандрит должен был выйти и тогда дочь призналась родителям, что действительно года два тому назад Зосима растлил ее. Возмущенные до глубины души, доведенные чуть не до отчаяния, поруганные в своих религиозных чувствах и чувствах родительских, Кусакины набросились на Зосиму, всячески ругали его и чуть не избили, потом потребовали за безчестие дочери и за молчание 10.000 рублей. Зосима в свою очередь тоже кричал, ругался и страдал Кусакиных, что упечет их в Сибирь, однако в конце концов сказал, присутствовавшей при этом и плакавшей настоятельнице Евгении: „следует дать Кате то, что ей нужно“. По его распоряжению Кусакиной дали тогда на шесть платьев ситца, теплую серую шаль, полушубок, 14 фунтов льна, 3 скатерти, матрац, одеяло, две подушки и 5 рублей денег, а через неделю, когда Екатерина Кусакина явилась снова с отцом своим, Зосима дал ей матери на жекет, 8 аршин каленкора, 18 аршин ситца, ботинки и рубль денгами, лишь бы только они молчали и не раздували дальше скандала. („Дело“ т. I, л. л. 181-182 т. II, л. 11-12).

Екатерина Кусакина оставила Боголюбскую обитель 17-го ноября 1902 года.

Тот скандал, который произвели в этот день Кусакины в покоях Зосимы, уход из монастыря Кати Кусакиной, которую Зосима почему то называл „ломтиком;“ подарки данные ей в этот день Зосимой, — все это с быстротой молнии облетело весь монастырь. Сестры стали спраши-

вать друг друга, не было ли и с ними того, что случилось с Кусакиной Катей. Было много ссоры и брани, а еще более слез о загубленной молодости, о потерянной девической чести.

Агафоника Горожанинова также в страхе спросила своих дочерей, „не растирали ли и они ноги Зосиме?“ (т. е. не было ли и у них полового сношения с ним?) На это Анна со слезами сказала, что в монастыре стало „нельзя“ жить от „папочки“, так как он, когда приходится дежурить, „имает“ девушек, „имал“ и ее, („имает“—это, на местном наречии, значит—хватает для совершения полового акта). Марфа после долгих запирательств также созналась, что Зосима насильно имел половой грех и с нею, когда ей не было еще и 14 лет.

Так вот каким образом и вот при каких обстоятельствах узнала Горожанинова об изнасиловании ее дочерей. Что же оставалось ей делать, как ни просить власть о привлечении гнусного насильника к законной ответственности?

„Справедливость пред“явленного мной обвинения, пишет Горожанинова—во втором своем заявлении,—подтверждают между прочим следующие факты: со дня поступления в монастырь они—мои дочери—никуда на сторону из своих келий и покоев не отлучались, будучи под неослабным надзором самого Зосимы и поставленных им надзирательниц. Даже мне не дозволилось с ними видаться под предлогом, чтобы они не могли жаловаться на тяготы монастырской жизни и мечтать о соблазнах мира. . . А Зосима, чтобы удобнее овладеть намеченной девушкой, назначал ее дежурить в свои комнаты, где и оставлял на всю ночь“.

„И вот участи моих дочерей,—прибавляет Горожанинова,—подверглись и другие из детского приюта. Я знала подобный случай с девочкой Ниной Нос—11 лет. А затем из взаимных перебранок и жалоб молодых послушниц стало известно, что у Зосимы подобными жертвами стали в свое время и все в возрасте 13—20 лет.“

- 1) Анастасия Буракова
- 2) Татьяна Терентьева
- 3) Александра Иванова
- 4) Елена Иванова
- 5) Евдокия Патлова
- 6) Варвара Гордеева
- 7) Татьяна Морозова
- 8) Татьяна Поплоухова

- 9) Варвара Андрюкова.
- 10) Мария Андрюкова.
- 11) Евдокия Булатова.
- 12) Мария Андреевская.
- 13) Матрена Шулепова.
- 14) Аграфена Шевелева.
- 15) Анна Кружкова.
- 16) Мария Туманова.
- 17) Мария Таболкина.

„Не проходили без насилия — заканчивает Горозанинова. — и работницы — поломойки, о чем свидетельствует Ирина Кузьмина Вшивкова. А Федосей Леонтьев Вшивков лично беседовал с отцом изнасилованной Екатерины Кусакиной, который ему говорил: Я брат беру с Зосимы за позор дочери, но дела не оставлю. Спросят — скажу все“. („Дело“ т. I, л. 5—6):

Однако Кусакин не дождался, когда его спросят, но 29-го декабря 1902 г. со своей стороны также подает жалобу товарищу прокурора по Красноуфимскому уезду на гнусности Зосимы.

„Будучи человеком религиозным; — пишет он, — глубоко веря в возможность спасения души в монастырских обителях, я и посвятил свою дочь Екатерину в основанную о. архимандритом Зосимой обитель именуемую теперь Боголюбским монастырем. Когда обитель устроилась о. Зосима устроил в своих комнатах особое дежурство из девочек, кои в разное время, — как я узнал от своей дочери, — стали жертвами о. Зосимы, растлившего их, когда они оставались с ним наедине. Тоже было и с моей дочерью в возрасте до 14 лет.“ „Я, — пишет далее, Кусакин, — потребовал на очную ставку Зосиму и дочь моя Екатерина его в учиненном им деянии уличила. Он, конечно, заявил, что это — хула на св. духа, но я был возмущен дерзостью Зосимы, рискувшего ставить себя на место духа святого и сказал, что мы имеем дело с Зосимой, а не с духом святым. Вышла у нас крупная ссора и я дочь свою увез. Чтобы я не подавал жалобы, Зосима выслал мне много ситцу и других вещей, но я примириться с ним не желаю и прошу сделать распоряжение о привлечении о. Зосимы“. („Дело“ т. II, л. 2—3).

* * *

Предварительное следствие по указанным жалобам в начале было поведено очень быстро. 20-го декабря 1902 г. за № 10227, прокуро-

ром отдается приказ на имя следователя З участка Красноуфимского уезда Коновалова о производстве вследствие жалоб Горожаниновой, предварительного следствия. А 23-го декабря того же года Коноваловым уже составляется протокол допроса потерпевших.

Первоначально допрошена была Анна Горожанинова, которая и показала следующее: „4-го ноября 1899 года, часов в 10 утра я пришла к о. архимандриту в его квартиру. И вот в комнате, где он обыкновенно молится, он стал меня обнимать и целовать. Я говорила ему что это нехорошо, однако он не обращал на это внимания, говоря, что за это отвечает он один, а не я. А потом легонько повалил меня на пол, где лежит у него ковер и совершил со мною половое сокоупление, лишив меня невинности. Я отцу архимандриту тогда не сопротивлялась, потому что он был вместо отца, (мы его и зовем „папочкой“), не кусала его, не царапала, не отталкивала, — говорила лишь, что не хорошо. В молельне и ближайших комнатах тогда ни кого не было. Я не кричала, не плакала, хотя мне было больно.“ („Дело“ т. I, л. 9 и об.)

Итак, перед нами снова молельная комната, т. е. самое святое место в обители после храма. И вот оказывается, что если, с одной стороны, здесь были — „мощи“, пред которыми по правилу обители, должен был помолиться всякий, приходящий к Зосиме, то с другой стороны, здесь же был и ковер, на котором распростирались жертвы насильственные Зосимой.

„После этого случая, — продолжает свои показания Горожанинова Анна, — о. архимандрит имел со мною сношения в течении 1½ лет, употребляя меня приблизительно раз в месяц, когда днем, когда ночью, когда на полу, когда на кровати в спальне. Каждый раз, когда о. Зосима имел намерение совершить со мною сокоупление, брал меня за руку или за обе руки и тащил меня в ту или другую комнату, а так как я этого не желала, то сопротивлялась ему, так что я могла бы от него вырваться и уйти и бывали случаи, что я вырывалась и убегала, а не вырывалась я иногда потому, что не хотела чтобы о. архимандрит сердился на меня, за неудовлетворение его желания, хотя я выражала неудовольствие и нежелание иметь сокоупление.“ („Дело“ т. I, л. 10 и об.)

Однако, — сообщив все вышеизложенное, Анна Горожанинова тогда же заявила следователю: „Преследовать о. архимандрита по настоящему делу я не желаю, так как я его простила.“

Если теперь мы обратимся к показаниям Марфы Горожаниновой, то здесь картина гнусного насилия вырисовывается ярче и выступает более выпукло.

Марфа Горожанинова вместе со своей матерью поступила в монастырь 20-го марта 1900 года, внесши плату по 150 рублей, за каждую и столько же денег за Анну. В тот же год летом, недели за две или за три до своих именин (до 4-го июля) днем, часов около 11, Марфа отправилась к Зосиме, чтобы полечить свою ногу, которая тогда у нее болела до того, что ей трудно было ходить. Последний, осмотрев ногу, начал делать втирание.

„Я сидела на стуле,—показывает Марфа,—он что то стал говорить относительно „ласки“ и спросил: „хочешь я тебя поласкаю.“ Я не поняла, к чему он это говорит. (Тогда Марфе еще не было 14 лет). Я ранее слышала, что существуют половые сношения мужчин с женщинами, но как они совершаются и в чем состоят, не знала. О. архимандрит повел меня за руку к кровати и я не зная, зачем он меня ведет, пошла за ним. Он меня стал валить на кровать, я не давалась. Он повалит, я с кровати вскочу, так было раза три. А нога очень болела. Повалив меня на кровать, он стал заголять подол. Я увидела, что он хочет со мной сделать грех и сопротивлялась,—закрывала подол, отпихивала его от себя, сжимала ноги (из-за болезни ноги сильно сжимать их я не могла), стонала и по тихоньку плакала. Кричать о Зосима не позволил, говоря: „не кричи.“ Я ослабела и он влез на меня, раздвинул мне ноги . . . и совершил со мной совокупление . . . нарушив мою половую невинность. Мне было больно и на моей рубашке после этого обазалась кровь.“ („Дело“ т. 1. 11-12).

Придя после этого в помещение приюта Марфа Горожанинова сильно плакала. Ее слезы заметила учительница приюта Александра Иванова, и девочки Елена Иванова и Евдокия Булатова. Они спрашивали ее, почему она так сильно плачет, но она ничего им не сказала. И только потом уже после обеда, обо всем случившемся она рассказала девочке приютанке Уржумовой, которая на это ответила: „Не с тобой одной, а и со мною и со многими так“...

„Недели через полторы после первого насилия я,—дает далее свои показания Марфа,—не помню, зачем опять пришла в покои Зосимы. Пришла я днем, дежурившая находилась в столовой. О. архимандрит позвал меня в молельню, стал меня обнимать, целовать, обхватил меня руками и повалил на пол, на ковер, где снова совершил со

мой половое совокупление, несмотря на то, что я ему сопротивлялась, сильно отталкивала, его от себя. Из боязни о. Зосимы я не кричала, а только потихоньку плакала и дрожала. Слышала ли дежурная, как я плакала,—не знаю: думаю, что нет, так как моленная от столовой далеко.“

В третий раз,—по показаниям Марфы,—Зосима изнасиловал ее ночью на кровати, когда она, дежурив, спала в его покоях. В этот раз она хотя и сопротивлялась, но не так сильно, потому что была ночь и она без помощи думала что сопротивляться уже бесполезно.

„После этих случаев,—заканчивает Марфа,—о. Зосима несколько много раз—имел со мной совокупление, когда я дежурила у него и я уже ему не сопротивлялась, хотя и выражала не желание. Боясь и стыдясь я не заявляла матери о поступках о. Зосимы.“ („Дело“ т. I, л. 11—12 об.).

Таков несложный и безыскусственный рассказ Марфы Горожаниновой о гнусных насилиях, совершенных над нею.

Еще не сформировавшаяся девочка, не достигшая 14—летнего возраста, еще не имеющая даже смутного представления о половом акте, она—с невинной и чистой душой, — полная экзальтированных порывов к небу,—думала и верила, что найдет в монастыре для себя лишь покой и отраду, а потом и „блаженную жизнь в небесах.“ Вся семья Горожаниновых страдала этой экзальтированной и болезненной религиозностью. Отец семейства с двумя сыновьями, распродав все, ушел в Белогорской монастырь. Еще ранее этого его две старшие дочери поступили в Кунгурский ^ж женский монастырь, а мать Агафонвеа с дочерьми Анной и Марфой ушли к Зосиме в Боголюбскую обитель. („Дело“ т. I, л. 18.)

И вот в результате такой религиозности—самое ужасное надругательство над всем тем, что они считали для себя дорогим и святым...

Да,—холодом ужаса веет от рассказа Марфы Горожаниновой..

Но не менее ужасен по своей кошмарной действительности и рассказ Екатерины Кусакиной, хотя бы даже в том виде, в каком он записан следователем Коноваловым в протоколе допроса.

Екатерина Кусакина допрошена была 11-го января 1903 года и вот что она показала: „Зимю 1897—1898 года, когда мне было 11—12 лет, я в качестве приютанки дежурила у о. архимандрита Зосимы в покоях. Я находилась в покоях одна с ним. Часов в 8—9 вечера, когда мы обыкновенно ложимся спать, я вошла к о. архимандриту в спаль-

лю, чтобы налить в умывальные воды. Он повел меня к своей койке и я пошла, не зная, зачем он меня ведет. Подведя к кровати, он повалил меня на нее, стал ложиться на меня и заголять подол. Я не давалась, отталкивала его от себя, плакала и сказала, что я закричу. Он тогда рассердился на меня за то, что я ему не давалась и ушел от меня из спальни в молельную комнату, а я ушла в комнату для дежурных, находящуюся через 2 комнаты от его спальни. Вскоре после этого, дня через 3, когда мне снова пришлось дежурить, а тогда нас дежурило только трое, ночью — я уже заснула, — о. Зосима пришел в дежурную комнату, подошел к кровати, начал снимать одеяло с меня и я проснулась. Он сказал, чтобы я его не боялась, что он ничего со мною не сделал и ушел. Я заснула, а потом опять проснулась. Стоит о. архимандрит! Снял с меня одеяло, заголил мне подол, лег на меня, и несмотря на мое сопротивление, — я отталкивала его от себя и плакала, — он... лишил меня невинности, совершив со мною половое сокоупление. Я уже не говорила, о. архимандриту, что закричу, так как было поздно и все уже спали, в тому же я боялась, что он выгонит меня ночью из покоев, а идти ночью я боялась.

После этого архимандрит Зосима имел много раз со мною половые сношения и я ему не сопротивлялась, считая сопротивление бесполезным... („Дело“ т. II, л. 6-7).

Тяжело жилось девочке Еватерине Кусакиной дома. Родители сильно бедствовали. Не было часто куска насущного хлеба. А тут ласковый и приветливый „папочка“ Зосима!

Мудрено ли, что родители решили отдать ее в монастырь, раз они надеялись, что ей там будет лучше?

Понятно отсюда и то отчаянное, то почти неизменяемое состояние родителей Кусакиной, когда они убедились, что последней оказалось не только не лучше в монастыре, но, — наоборот, — жизнь ее здесь переполнилась картинами самого невыразимого для девушки ужаса и горя.

Понятно отсюда и то, что следовательно Коновалов, получив такого рода признания, конечно, не мог не дать им дальнейшего движения: — тем более, что и Горобжановы, и Екатерина Кусакина указывали, что подобные же гнусные насилия совершены и над другими насельницами монастыря. Кусакина, например, заявляла, что через неделю после ее изнасилования, когда она, по случаю дежурства, находилась опять в покоях Зосимы, то здесь же ночевала Матреша Шулепова, которую в тот день только привели в монастырь. Кусакина ночевала в

комнате для дежурных, а Шулепова — в соседней, ближе к спальне Зосимы. Ночью Кусакина видела огонь в той комнате, где спала Шулепова. На другой день она спросила ее об этом, и Шулепова сказала, что зажигала лампадку, чтобы пересмотреть свое белье. Недели же через две Шулепова сказала, что к ней тогда приходил Зосима, хотел лишить ее невинности, однако, тогда она ему не далась, а на следующую ночь, когда дежурной в покоях Зосимы не было, он насильственно и после долгой борьбы все таки овладел ею, лишив ее невинности.

По дальнейшим словам Кусакиной Зосима так же изнасиловал девочку Евдокию Колотину ходившую в монастырь учиться псалтири, а другую девушку некую Агриппину, ходившую за тем же, пытался изнасиловать, но она ему не далась. („Дело“ т. II, л. 7).

И так, жертвы насилий все увеличивались и увеличивались. Предстояло следователю Коновалову большое и сложное дело, даже помимо того, против какой именно важной духовной особы оно возникло.

Прежде всего, по предложению Коновалова, Красноуфимским уездным врачом Колесниковым произведено было судебно-медицинское освидетельствование Марфы Горожаниновой, при котором оказалось, что „окраска малых срамных губ в темно-бурый цвет, ход в рукав величиною в трех-копеечную медную монету и присутствие двух лоскутков при входе в рукав дают основание заключить, что Горожанинова была лишена невинности не менее года тому назад. Вальость стенок рукава темно-бурая окраска и выстояние — увеличение малых срамных губ над большими говорят за то, что свидетельствуемая имела уже неоднократно сношения с мужчиной. Отсутствие темно-бурой окраски сосков около-сосковых кружков, а также отсутствие беловатых кожных рубцов на коже живота и наружное отверстие матки круглой формы указывают, что свидетельствуемая — еще не рожавшая.“ („Дело“ т. I, л. 16).

Казалось бы, что после этого судебно-медицинского осмотра следовало бы подвергнуть таковому и всех других девушек, которые указаны, как жертвы ненасытной эротомании Зосимы. Для ограждения женской стыдливости и чести можно было бы пригласить врача-женщину. Это в особенности должно было быть продиктовано тем беспристрастием, которым прежде всего и должен отличаться следователь. Но для следователя Коновалова подобное беспристрастие было или нежелательно, или просто он до него не додумался. Правда, он допрашивает всех тех лиц, на которых, так или иначе, ссылался в своих жалобах Горожанинова и Кусакин и в своих показаниях — Плотникова и потерпевшие.

Но удивительная вещь: почти все они говорят одно и то же, в одинаковых выражениях мысли и даже одинаковыми словами.

„Я не говорила, что архимандрит Зосима лишил меня невинности, заавляет, например, Булатова,—это неправда. Ничего худого от о. Зосимы я не видала и не слыхала, чтобы он нехорошо относился к девочкам.“

„Ничего худого в отношении к девушкам,—показывает Елена Иванова,—я за о. Зосимой не замечала, ничего об этом не слыхала, и не говорила, что он лишил меня невинности.“

„Ничего худого в отношении о. Зосимы к девушкам вообще и в частности, ко мне,—показывает Александра Уржумова я не замечала. Марфе Горожаниновой слов: „не с тобой одной, а со мной и со многими так,—„не говорила“ („Дело“ т. I, л. 37—39.).—

Словом почти все девушки повторяли одни и те же слова, точно заученный урок. Уже это одно должно было бы показаться подозрительным всякому беспристрастному следователю. Всякий следователь, прежде всего должен быть психологом. Только при таком условии он может легко и беспристрастно разобраться в запутанных и противоречивых показаниях. Всякий следователь даже должен изучить обстановку и природу того преступления, с которым ведет он предварительное следствие. Всякий следователь,—наконец,—при производстве следствия должен безусловно отрешиться от всяких предвзятых мнений и от всех своих личных симпатий и антипатий. Это—элементарные нормы всякого юридического права, и они, конечно, не могли быть неизвестны следователю Коновалову,—человеку с высшим юридическим образованием. Коновалов должен был знать, что Зосима не выехал еще из Сарсов, что насельницы монастыря находятся еще под его непосредственным духовным влиянием, что монастыри—это такая конфессиональная конгрегация, где в основу всего положено „послушание“, т. е. отречение подчиненных от собственной воли и беспрекословное и безусловное подчинение их воле разных игуменов и архимандритов, разных настоятелей и настояльниц.

И только показания Марии Белозеровой, при производстве следствия Коноваловым, идут в резком диссонансе с показаниями других насельниц Боголюбской обители.

„В начале ноября сего 1902 года,—говорит на допросе Мария Белозерова,—девицы—сестры начали буйнить,—говорили, что о. архимандрит обесчестил всех девушек, которые у него дежурили. Вахруше-

ва, Булатова, Кусакина, Морозова и другие говорили, что о. Зосима насильственно лишил их невинности, когда они дежурили;— схватит и как волк, потащит на кровать. А поделаться с ним они ничего не могли, так как он хоть и стар, но силен; говорили также, что нельзя стало и днем ходить к нему... Девушки хотели писать донос, но архимандрит узнал, позвал их к себе, говорил им, что они идут против Святого Духа, грозил сослать их в Сибирь, если они будут жаловаться, и девушки под влиянием этих угроз жаловаться не посмели. От Т. Морозовой и других я слышала, что будто о. Зосима при совокуплении говорил им, что за грех отвечает он, что на грехи существует покаяние, а так как он—архимандрит, то может прощать грехи. Несмотря, однако, на эти увещания, девушки сопротивлялись и о. Зосима насильственно имел с ними сношения. А после сношений, он строго наказывал девушкам ничего никому не говорить.“ („Дело“ т. I, л. 26—27.).

Подтверждает Белозерова и следующее „Молодые девушки и девочки у нас в монастыре болели все одной и той же болезнью, будто бы они простужаются,—менструации прекращаются, хотя зимой и летом ходили они в панталонах,—боль в животе, рвота, отсутствие аппетита. Лечил их какой то жидкостью о. архимандрит. Было удивительно, что этой болезнью хворали девушки, пожилые же не болели, причем девушки очень часто лечились. Такую болезнью были больны и умерли в прошлом году Ольга, Мария, Прасковья и Александра, в нынешнем Вера Брагина, некая Агния, Мария Андрюкова. Девушки поступали в монастырь здоровыми, но потом слабели и слабели, несмотря на то, что всех нас одевали и кормили хорошо. Была беременна Токарева, но беременность у ней вскоре исчезла, а почему,—в действительности не знаю, но думаю, что от тех лекарств, которые давал о. Зосима. Узнав об его отношениях к девушкам, я и другие только тогда стали догадываться, что девушки лечатся от беременности и от этого хворают“. (См. там же).

Показания свои Белозерова давала Коновалову 29-го декабря 1902 г. И вот только после этих показаний, он вспоминает, что дальнейшее производство следствия для него едва ли удобно, как для „духовного сына“ Зосимы. 30-го декабря 1902 года Коновалов делает следующее постановление: „Считая лично для себя неудобным производить предварительное следствие по настоящему делу ввиду того, что о. архимандрит Зосима является по отношению ко мне духовным отцом, я постановил ходатайствовать перед Пермским Окружным Судом о передаче следствия

по сему делу какому либо другому судебному следователю, выполняя впредь до разрешения сего ходатайства лишь самые необходимые следственные действия". („Дело“ т. I, лист. 28 об.).

Тем не менее допрос тех девушек, которые были указаны, как жертвы не насытного полового извращения Зосимы, Коноваловым был произведен 11-го января 1903 года, и почти все эти девушки в один голос показывали: „Мы ничего худого про о. Зосиму сказать не можем, невинности он нас не лишал“...

Мало того,—следствие загромождается показаниями о том, что Горожаниновы и Кусакина—девушки „гулящие“, что они бегали из монастыря, имели на стороне любовные связи, где и лишены были невинности. Такого именно характера и тогда же оказались показания настоятельницы монастыря монахини Евгении и некоторых девушек. Коновалов записывает все эти показания, но от проверки их почему-то воздерживается, как, воздерживается от медицинского осмотра не только тех девушек, о которых говорили, что они изнасилованы Зосимой, но даже и от осмотра Евкатерины Кусакиной, которая лично заявляла, что она со стороны Зосимы была подвергнута растлению.

Наконец ходатайство „духовного сына Зосимы“ было удовлетворено. Судебное следствие было передано следователю Леденцову. Но последний для более или менее детального выяснения, сущности и правды преступления также ничего не сделал, кроме собирания материалов о якобы не безупречном поведении Горожаниновых и Кусакиной.

Может быть, долго бы настоящее дело оставалось без должного и более беспристрастного расследования, если бы прокурор не передал его следователю Окружного суда по важнейшим делам Голишевскому. Последний по своему вероисповеданию—католик, т. е., человек, который не мог быть связан с Зосимой какими либо „духовными“ узами и не мог быть заинтересован в замалчивании темных сторон жизни православного монастыря.

* * *

Между тем на Плотникову, Белозерову и Горожаниновых не только на месте,—в Сарсах Вторых,—но со стороны центра епархиальной духовной власти,—из г. Перми, посылались равного рода „ущемления“ и неприятности. Все они после отъезда Зосимы хотели возвратиться в Боголюбский монастырь, однако здесь их не только не приняли, но

прежде всего выругали всевозможными и даже неприличными словами, плевали им в лицо, и насильственно выгнали за монастырские стены. Об изложенном Плотникова и Белозерова довели епископу Иоанну, ходатайствуя перед ним или о принятии всех их снова в монастырь, или о возвращении им тех взносов и вкладов, которые они сделали при своем поступлении в обитель.

Как же отнеслась духовная власть в этому совершенно справедливому ходатайству?

Духовная власть не могла простить жалоб прокуратуре, не могла простить обнаружения и раскрытия монастырских безобразий и гнусностей ибо это будто бы могло умалить достоинство православия и подорвать его святость в глазах темных народных масс.

И она не простила.

„По указу его императорского величества Пермская духовная консистория, рассмотрев переписку о беспорядках, происходящих между монашествующими сестрами Боголюбского женского монастыря, и приняв во внимание, что архимандрит Зосима указом Св. Синода, от 12-го декабря 1902 г. за № 9749, уже перемещен в число братии Почаевской Лавры, что жалоба на него со стороны некоторых послушниц не подтвердилась(?) и является совершенно голословной(?) и что, по удостоверению настоятельницы Боголюбской обители—монахини Евгении и прочих послушниц и сестер того монастыря, все жалобницы на архимандрита Зосиму и особенно Дарья Плотникова и Мария Белозерова ведут себя неблагоприлично(?) и поселяют в обители между сестрами одни раздоры, причем своим предосудительным поведением(?) порочат Боголюбский монастырь, постановил: (и его преосвященство 7-го марта с. г. утвердил): Д. Плотникову и М. Белозерову, как вредных для спокойствия и чести обители, совсем уволить из монастыря, предоставив, однако, им вступить в другой монастырь лишь по согласию настоятельницы и старших сестер; прочих же жалобниц: Горожаниновых—Агафонию, Анну и Марфу—перевести в Кунгурский монастырь под особый надзор настоятельницы. Просьбу вышеизложенных сестер о возвращении им вклада, сделанного ими при поступлении в Боголюбский монастырь, как неосновательную, оставить беспоследственной“

Нужно ли делать какие либо комментарии к приведенному документу?

Следствие еще только началось, а духовная власть уже безапелляционно заявляет, что жалобы на Зосиму являются голословными.

Не зная, как наказать жалобщиц за их разглашение монастырских тайн, Духовная власть, аттестует последних неблагодарным и предосудительным поведением, отнимает у них их вклады в монастырь, т. е., бьет их по самому больному месту с моральной и материальной стороны.

Особой травле в последствии подвергнута была Плотникова. Некоторые свидетели постарались обрисовать ее, как личность в высшей степени безнравственную, обустив, очевидно из внимания, что этой „безнравственной“ жещине 63 года!..

Вообще при изучении накопленного следственного материала, прежде всего бросается в глаза, что по настоящему делу образовались два диаметрально-противоположных течения, — как бы две партии из коих одна, — в лице потерпевших Горожаниновых и Кусакиной, их родителей, и послушниц Плотниковой и Белозеровой, — старается завинить о Зосиму в гнусном преступлении изнасилования упомянутых потерпевших и не только их одних, а и других девушек — сестер; другая же партия с настоятельницей монастыря во главе, — при поддержке духовной власти, — пытается смыть пятно преступного позора с лица Зосимы, опирающаяся в то же время нравственный облик жалобщиц.

К такому именно заключению пришел и Голишевский. Так, по крайней мере выразился он в своем постановлении от 29-го мая 1903 года за № 47.

В силу такого заключения Голишевский прежде всего постарался выяснить, какого образа жизни и характера был Зосима, как человек и как монах, занимавший высокую ступень в иерархической лестнице православной церкви. Всюду, в этом отношении наводятся им справки. Он обращается даже в Синод и канцелярия оберпрокурора Синода дает следующую краткую характеристику Зосимы: „В нравственном отношении о. Зосимы характеризуется как человек предприимчивый, ума не заурядного, воли сильной, способный производить впечатление неотрашимое, внушать доверие, подчинять себе.“ (Отношение 27-го марта 1904 года за № 2695).

Благодаря именно собранному Голишевским материалу, правда, — порой свудному, туманному и даже иногда противоречивому, — мы и имеем возможность более или менее обстоятельно нарисовать портрет Зосимы в его нравственной квалификации.

---

* * *

Трудно, конечно, было вести следствие Голишевскому. Пермская консистория неоднократно напоминала ему, что Зосима, за переводом своим из Пермской епархии потерял для последней свой авторитет и значение, а потому едва ли представляется целесообразным расширять рамки его судебного процесса;—тем более, что это может послужить во вред господствующей церкви. Административная власть также неодобрительно смотрела на развивающееся судебное дело, совершенно справедливо полагая, что при накоплении обвинительного материала оно может выйти из узких рамок одной личности и перейти в суд над целым сообществом, являвшимся самым верным и преданным слугой господствовавшего тогда государственного строя.

Мы имеем сведения, что существовала даже особая секретная административная переписка по „делу“ Зосимы, но, к несчастью мы не нашли ее, — в Пермском Губархиве ее не имеется.

Тем не менее, предварительное следствие хоть медленно, но все-таки продолжалось и подвигалось вперед.

Кроме тех фактов предосудительного поведения Зосимы, говорящих о его „склонности к знакомству с женским полом“, которые уже нами описаны и которые судебным следствием подтвердились, Голишевским обнаружены и другие случаи, ясно характеризующие Зосиму, как человека весьма не разборчивого при удовлетворении своей ненасытной плотовой страсти.

Зосима срывает бутоны не только еще не распустившиеся или только еще распускающиеся, в лице 13-16 летних приютанок, но не брезгует он и грязными поломойками.

Так, крестьянка Ирина Кузьмина Вшивкова сообщает, что когда однажды она домывала полы в покоях Зосимы, последний вошел в кухню и сказал ей, что она плохо подмыла пол за умывальником в его спальной комнате, когда же она пошла в его спальню, то Зосима обхватил ее сзади в охапку и потащил на стоящую тут койку.

„Я,—говорит Вшивкова,—стала отбиваться от него, но он оказался настолько сильным, что я не могла справиться с ним и он стал уже валить меня на койку. Тогда я пригрозила о Зосиме, что если он не оставит меня, то я расскажу потом людям о его поступке и что все равно ему не поддамся и закричу о помощи. Зосима на это стал уговаривать меня ласковыми словами иметь с ним половую связь и

говорил, что от него не „повесу“, (т. е. не буду беременна). Я все-таки отозалась иметь с ним половую связь и тогда он вида, очевидно, что—со мной ничего не поделаться, отпустил меня“.

„Мне так больно сделалось на душе,—прибавляет далее Вшивкова, что на меня дрожь напала и я насилу удержалась и не сказала о случившемся со мной. До прошлого года я ни родителям, ни мужу, ни чужим людям, об указанном мною выше случае не говорила, потому что противно мне было даже думать об этом... Когда стали говорить, что Зосима насилует сестер и приютанок, и когда другие тоже стали говорить, что, может быть, это не правда, я тогда и проболталась, что не зря, а правду говорят, так как Зосима хотел и со мной иметь в свое время половую связь“. („Дело“ т. I л. 130).

Здесь все таки возникает вопрос, как мог 62-х—летний старец насиловать лиц молодых и здоровых?

Но дело в том, что помимо так сказать психологического воздействия, помимо той непонятной внутренней силы внушения, какой обладал Зосима, он был и физически очень здоров. На это указывают все жертвы Зосимы, характеризуя его очень сильным. Указанная свидетельница Ирина Вшивкова иллюстрирует эту физическую силу даже примером.

„О. Зосима,—говорит она,—был очень крепкий человек. У него в спальне стоял большой сундук с ризами и мы—четыре женщины—все как передвигали его при мойке полов, а помню, когда случилось, что для мойки приглашали только меня и свою, то о. Зосима помогая нам передвигать этот сундук, свободно поднимал его один с одной стороны, и передвигал“. („Дело“ т. I л. 130 об.).

Такая физическая сила в Зосиме будет понятна, если мы вспомним, что физически он никогда не работал и не надрылся, что,—по показаниям свидетельниц,—был человеком не пьющим, что постоянно следил за своим здоровьем и вообще ни каким излишествами, кроме „склонности к знакомству с женским полом“, не предавался.

Из тех девиц, на которых были указания, как на жертвы Зосимы, следователем Коноваловым и Леденцовым, между прочим, не была допрошена Мария Туманова. При допросе же ее Гойшевским она показала, что о половых сношениях Зосимы с дежурившими у него приютанками она знала. Говорили ей об этом приютанки Пастухова, Тоболькина, Уржумова, Жуланова и др. Пастухова даже передавала некоторые подробности и потом говорила, что когда она покаялась Зосиме на

исповеди о том, что проболталась про свою связь с ним, он долго „началил“ ее и не велел ходить на дежурство.

Правда, про насилие над собою Зосими, Туманова сказала, что этого не было, но тут же прибавила, что когда о слышанном от вышеуказанных девушек она передала Александре Кобяковой и Александре Ивановой, то они засмеялись и тоже сказали, что это неправда.

Допрос Марии Тумановой был произведен 14-го июля 1903 года, т. е. тогда, когда Зосима из Сарсов Вторых сравнительно давно уже выехал, и когда по этому обаяние его личности и его способность подчинять себе людей до потери ими собственной воли значительно ступшевалась и ослабела. Потому то Туманова несколько и приоткрыла ту завесу, которой хотела прикрыть монастырский гарем Зосими другие сестры. Думается, что эта завеса была бы потом несколько приоткрыта и ими, если бы вторично они были спрошены Гольшевским. Но последним это, по весьма понятным причинам сделано не было. Ведь, если бы все эти несчастные обезволенные девушки показали правду, если-бы к тому же они были далее подвергнуты медицинскому осмотру, что, без сомнения, подтвердило бы эту горькую правду, то процесс Зосими превратился бы во всероссийский церковный скандал, в котором во всяком случае Гольшевский не был бы оставлен в покое, как католик и поляк.

Долго, и очевидно, в тех же видах не решался последний подвергнуть медицинскому освидетельствованию и Екатерину Кусакину. Но так как „дело“ Зосими не только не затушеввалось, а принимало в общественном мнении все более и более острый характер, это освидетельствование становилось существенно необходимым и нужным, дабы в том же обществе не было нареканий на явно пристрастное отношение следователя к личности Зосими, в целях замалчивания одного из самых гнусных его преступлений.

И вот 29-го мая 1903 года произведен был, наконец, этот судебно-медицинский осмотр, причем оказалось: „свидетельствуемой Кусакиной около 16-ти лет, роста среднего, телосложения и правильного питания удовлетворительного. Половые органы вполне развиты: лобок и большие губы густо прикрыты темно-русыми волосами, большие срамные губы не вполне закрывают половую щель, малые срамные губы выстоят из больших, темно-розового цвета и несколько увеличены. Деваственная плева в целости своей нарушена и представляет собой пять лоскутков, неправильной формы бледно-розового цвета и твердоватой консистенции лоску-

ты эти основаниями своими обращены ко входу в рукав, в ткань которого и переходят, вершины же лоскутов обращены в рукав. Вход в рукав свободно пропускает два пальца. Слизистая оболочка рукава морщиниста и легко растяжима, матка подвижна, безболезненна и величинной с грушу; влагалищная часть матки имеет вид конуса, наружное отверстие матки круглой формы. На больших, малых губах на стенках рукава и на влагалищной части матки никаких знаков насилия нет. На коже живота и бедер нет беловатых блестящих рубчиков. Грудные железы достаточно развиты и не отвисли. Около сосковые кружки и срединная брюшная линия не окрашены в темно-бурый цвет.

На основании данных освидетельствования уездный врач Колесников пришел к заключению, „что свидетельствующая еще не рожавшая“ но лишена целости девственной плевы не менее, как год тому назад, и имела неоднократные, но не частые сношения с мужчиной“ („Дело“ т. II л. 19.).

* * *

Медицинский осмотр Екатерины Кусакиной, так сказать, подлил масла в огонь. Если ранее настоятельница Боголюбской обители монахиня Евгения употребляла много сил и стараний на то, чтобы как-нибудь одорожить нравственную безупречность свидетельницы Плотниковой и потерпевших Горожаниновой и Кусакиной, то теперь эти старания еще более увеличились. Нужно было найти лиц, которые могли бы сказать, что потерпевшие находились с ними в любовных отношениях, нужно было найти так называемых косвенных свидетелей, которые взяли бы на себя труд доказать, что потерпевшие тайно убегали из обители. А если убегали, то значить и могли потерять свою невинность где-нибудь и с кем-нибудь на стороне.

Подобные личности были наконец найдены.

И вот мать Евгения просит допросить: „Степана Левкина и Алексея Высоких, которые видели Горожаниновых и Кусакину, как они в ночное время бегали по горе; Ивана Палкина, который имел переписку с сестрами; Гордея Колесникова и Ивана Поздеева, которые докажут, как сестры ночью бегали к ним; Никиту Попова, который видел сестер под мостом ночью; Матрону Кобякову и Гликерью Цыганову, которые докажут, что Кусакина и Горожаниновы бегали к ним ночью кушать пельмени и наконец, Санникова Михаила, который и докажет

то, что он имел сношения более года с Кусакиной Екатериной и Горожаниновыми Анной и Марфой. („Дело“ т. I, л. 154.)

Но каких нравственных качеств были выставляемые монахиней Евгенией свидетели, об этом более или менее подробно говорит упомянутый уже нами Федосей Леонтьев Вшивков.

„Стали собирать подписи, — сообщает он, — на телеграмму в Синод и, говорят, была послана туда телеграмма в триста слов в защиту о. Зосимы. Нашлись даже люди: Иван Палкин и Михаил Санников, которые стали заявлять, что они имели половую связь с девушками Анной и Марфой Горожаниновыми и Екатериной Кусакиной. Их напоили и они на улице у лавки Подчиненкова стали заявлять собравшемуся тут народу о своих любовных свиданиях с упомянутыми выше девушками. Палкин — это молодой царень, выросший в монастырском приюте. Он — бездельник и шляется по дворам. Санников — это монастырский плотник. Он за что-то сидел в исправительном арестантском отделении. Иван Поздеев — это бывший послушник архимандрита того времени, когда в монастыре только воздвигались здания и не было там девушек. Носились слухи, что он взащиту Зосимы вызвался показать при допросах, что он имел любовную связь с Горожаниновыми и Кусакиной, но говорят, отец его Андрей не позволил ему брать такую вину. Проживающие близ монастыря жена Егора Кобякова — Матрена и мать ее Гликерия имели большой доход от богомольцев и вот обе они теперь все хлопочут в защиту Зосимы“. („Дело“ т. I, л. 135-136.)

Так вот какого нравственного облика и какой нравственной квалификации оказывались те лица, которые должны были опровергать и без того опроверженных насилем Зосимы несчастных девушек, дабы тем самым ослабить и свести на нет их показания об изнасилованиях и растлениях, о разных кошмарных ужасах монастырской жизни.

И все-таки совесть заговорила и у подобных лиц, когда они „по чистой совести“ должны были показывать „всю правду“ следователю.

Так, Степан Левкин показал, что он живет при Боголюбской обители второй год, исполняя обязанности караульщика. В феврале 1902 г. он в течении двух недель три раза видел, как из корпуса, где живут сестры, выходила какая-то женщина и уходила в деревню. Это было ночью. А когда возвращалась она, — он не видел, хотя караулил почти всю ночь. Кто именно из сестер отлучался из монастыря, он не признал по случаю темноты ночей. Анну и Марфу Горожаниновых и Кусакину он знает хорошо, но выходящими их из монастыря в ночное вре-

ми он никогда не видел. Чтобы они были худого поведения, он не знает, — ничего про них плохого не слышал и сам за ними ничего не замечал. („Дело“ т. I, л. 109).

Гордей Колесников показал, что он — цекатур при обители; про самовольные будто бы отлучки из обители Кусакиной и Горожаниновых, как в ночное время, так и днем, ничего связать не может, так как их никогда вне стен обители не видал, ничего худого в поведении их не замечал.

Точно тоже заявил и Поздеев Иван. („Дело“ т. I, л. 110).

Попов Никита показал, что относительно самовольных отлучек из монастыря Горожаниновой и Кусакиной ему ничего неизвестно, так как Горожаниновых он совершенно не знает, а Кусакину видел только в церкви. Про поведение этих девиц ничего связать не может, ибо он их совершенно не знает и ни от кого худого про них не слышал. („Дело“ т. I, л. 153).

Налкин Иван показал, что хотя Горожаниновых и Кусакину он и знает, так как жил в монастыре около двух с половиною лет, но с ними никакой и никогда переписки не имел и ни в каких отношениях не состоял, даже близко никогда с ними не встречался. Чтобы они ходили где либо по ночам, — не видал и ни от кого об этом не слышал. Не видал их днем вне обители никогда. Переписку же он имел с монастырской девицей Евдогией Булатовой. (Там же лист 153 об.“).

Назонец Михаил Санников показал, что ни в каких отношениях, а тем более в половой связи с указанными девицами он не состоял и ни разу не видал, чтобы они ходили куда либо в обществе мужчин. Правда, видел он их раза три летом в 1901 году, ходящими по монастырской горе, но ни каких мужчин с ними не было. (Там же лист. 112). И только Цыганова и Матретья Кобякова показали, что Горожанинова Анна заходила к ним вместе с Александрой Кобяковой, когда еще та не выходила из монастыря. Когда они пришли, то для них стряпали пельмени. Потом и еще раз забегали к ним Горожанинова Марфа и Кусакина, посидели немного, а куда ушли — неизвестно.

Но и это показание муж Матретьи Егор Кобяков называет не правдой. „Действительно, дочь его Александра с Горожаниновой приходили, но приходили посоветоваться, как им выйти из монастыря где стало „худо“ жить. Они пробыли около часу времени и ушли.“

„Жена мой и теща, Цыганова, — прибавляет он, — говорят не правду, что будто бы стряпали для девишек пельмени. Когда же тут было

стряпать пельмени, когда они пришли неожиданно и пробыли с час времени?”.

С такою же целью и то не надолго, — после того, как вышла из монастыря Александра Кобякова, — к ней забегали Марфа Горожанинова и Кусакина Екатерина и опять никаких пельменей не было. („Дело“ т. I лист. 133—139).

И так, на сколько было справедливо заявление монахини Евгении, следователь разбирал. Это заявление оказалось сплошь голословным и недобросовестным. Очевидно, оно было придумано потом, потому что на допросах следователя Коновалова 11 го января все спрошенные им девушки заявляли, что Горожаниновы и Кусакина — девушки тихие и очень скромные и что чегонибудь худого за ними не замечалось и они не слышали.

И только после всего вышеизложенного, тщательно проанализировав весь накопленный следствен. материал, судеб. след. по важнейшим делам нашел возможным: „бывшего архимандрита Боголюбского женского монастыря о. Зосиму привлечь к следствию и допросить в качестве обвиняемого, в том, что он, состоял архимандритом Боголюбского монастыря в деревне Вторых Сарсах Красноуфимского уезда, насильственным образом совершил половое совоупление с подведомственными ему приютанками монастыря в—1900 году—с Марфой Горожаниновой и 1098 г.—с Екатериной Кусакиной, имевшими тогда менее 14-ти лет от роду каждая, (т. е. в преступлении, предусмотренном 1523 ст. Уложен. о наказан. („Дело“ т. I, л. 193).

Привлекать же Зосиму к ответственности за изнасилование Горожаниновой Анны следователь не нашел почему то возможным и нужным.

То что она простила Зосиму, и то, что во время изнасилованья ей было более 14-ти лет, не могло служить законным основанием для прекращения дела, — тем более, что, по тогдашним разъяснениям Сената, родители могут возбуждать преследование за оскорбление и за всякое вообще преступление, совершенное против их детей, независимо от возраста последних. С этой точки зрения возбуждение Агафоникой Горожаниновой дела против Зосимы и в отношении к ее дочери Анне было законным и правильным.

Казалось бы, если родители возбудили дело на законном основании по мимо детей, то они же только и в праве это дело погнчить. Между тем в данном случае как бы прекращает дело Горожанинова

Анна, несмотря на то, что преследование против Зосимы возбудила не она, а ее мать Агафоника, причем из следственного материала нигде не видно, что бы на такое превращение спрашивалось согласие возбудившей обвинение матери.

Так как Зосима, привлеченный официально к ответственности, как обвиняемый по ст. 1523 Улож. о наказан. был в то время в Почаевской лавре, то по просьбе Голишевского, допрашивал его следователь 1-го участка, Дубенского уезда, Волынской губернии. Допрос этот происходил 30-го сентября 1903 года.

* * *

Глубоко интересно само по себе содержание протокола допроса. В нем всюду разлито обычное в духовном мире притворство, ханжество, фрисейство, в нем сквозит явная насмешка над следователем, в нем далее ярко выступает та самоуверенность в безнаказанности, которою страдал Зосима не только во время предварительного следствия, но и на суде; в нем, на конец, во всей своей неприкрытой наготе выявляется то самохвальство, самодовольство, и услаждение собою, что везде и всюду на протяжении всей монашеской жизни и деятельности, ярко обрисовывалось в Зосиме, как его нестемлемые качества.

Что же сказал Зосима в ответ на предъявленные ему обвинения?

Прежде всего он заявляет: „на всем пространстве 33-х летней священно-иноческой разнообразной служебной деятельности моей, в разных губерниях великой России формально никогда и ни за что судим и штрафован не был, и под следствием не состоял, хотя на всем же пространстве служебной деятельности и во всех местах прежнего служения, по свойственной всем человеческой зависти, как личность разносторонняя, многодеятельная, — я был преследуем, гоним, но безцельно и безразсудно“.

Потом следуют пространные автобиографические сведения об его служебной монашеской деятельности в разных монастырях России, где он был „в высшей степени и щедрым, жертвуя из собственных „средств“ громадные суммы „для славы и процветания святой церкви“ и ее монастырей.

„Не погрешу еще, — заканчивает свои показания Зосима, — если в заключение моего настоящего разяснения добавлю: на всем пространстве жизни моей являлся я в глазах многих, являюсь и доселе личностью

исключительную, непонятную и загадочную. Но несмотря на это, во все продолжение служения моего в сане священно-иерейском и во всех четырех странах великой матушки России, благостию Божией, был любим и благоугодно почитаем, хотя в тоже время пережил, переживаю и до сего много—премного скорбей, тревог, клевет, лишений, гонений, насмешек, укоризн, но под покровом всемогущей десницы Божией, благодатию Господа пребываю спокойным, мирным, веселым, благодушным, ибо никого и ничего не боюсь и не страшусь; всех люблю и всем благожелательствую всякого добра, за всех искренно, сердечно, по пастырски, в духе светлой, правой и непорочной веры молился и молюсь. Боюсь лишь оскорбить человеколюбца Бога”.

Что же касается собственно бред “явных обвинений в изнасилованиях, то здесь Зосина не распространяется; — не входит в их сущность, не оправдывается, а только заявляет, что ответ на все эти обвинения он и делать не будет, а если уж нужно, то может дать ответ непосредственно только и только лично Синоду.”

“По чрезвычайнейшим, гнусным, смрадным, мерзостным, уголовным обвинениям мещ, — читаем мы в протоколе допроса. — а) в жизни самой безнравственной и противозаконной, возведенным на меня клеветнически Анною и Марфою Горожанinovыми и их матерью Агафонию также Екатериной Кусакиной и родителями ее Александрой Кобыяковой и другими, — также и свидетелями: Дарьей Плотниковой, бывшим диаконом моим — ныне священником — П. Урдорминским и другими, б) по делу купчихи Марии Павловой, Цибасовой и девицы Марии Яковлевой Охлопковой и рожденного от нее младенца Зинаиды; в) по делу жены бывшего эконома моего Т. Ф. Ивановой и многим другим клеветническим — мерзостям, как отец духовный, всех выше упомянутых дам и многих других, связанных каноническими правилами вселенской церкви, могу дать ответы вполне ясные и по совести пастырской справедливые, с нужными даже фактическими доказательствами, непосредственно только и только лично св. Правит. Синоду.”

И так, с каким — то там следователем просто не стоит разговаривать. — так, очевидно, думает Зосима. Он, — личность исключительная” и потому, если уже нужно знать кто, например, его родители, то ответ он может дать непосредственно только и только лично, помазаннику Божию, “ а если нужно что сказать про какие-то там обвинения, то здесь ответ может быть дан опять же непосредственно только, и только лично св. Прав. Синоду.”

Тем не менее Зосима не может обойти молчанием тех некоторых деталей своей жизни в Боголюбском монастыре, которые по мнению следователя, иллюстрируют эту жизнь, как жизнь человека, находившего для себя большое удовлетворение проводить время в кругу монастырской женской молодежи. Здесь обычная словоохотливость и болтливость Зосимы, заставляет его давать очень пространные раз'яснения.

„На мысли“ г. судебного следователя.—говорит Зосима,—изображенные о том, что по праздничным дням собирались ко мне, в мое помещение сестры монастыря и приютанки, где они угощались чаем, сладостями, пряниками, конфетами, и что все звали меня „паночкой“,—здесь раз'ясняю: а) совершенно справедливо, что в нарочитые дни праздничные все сестры монастыря, более 100 человек, действительно собирались ко мне, как дети к отцу, угощались чаем и выше названными сладостями, но совершалось это для их утешения, ободрения и оживления, и всегда почти в присутствии избранных гостей обители, часто родителей живущих в монастыре: причем, конечно, все окружающее служило духовно-нравственным навиданием, ибо в это время клирошанки пели духовные концерты или стихотворные псалмы, кановы, а в промежутках преподавались им от меня пасторские наставления, советы, назидательные поучения, казовые некоторыми из сестер, более ретивыми, тотчас же записывались в тетрадки. А некоторые изречения мои ткались на поясах, вышивались на платочках, часть которых, как и пояски, сотканные с моими изречениями, и искусственные лапотки с ботинками и галошами, сделанными из лыка руками сестер,—17-го апреля 1899 года, при письме моем за № 50, через главного управляющего собственною его императорского величества канцеляриею графа Н. А. Протасова-Бахметьева были повергнуты стопам их императорских величеств, как предметы назидательные, поучительные и редкостные.

Дабы где следователь по важнейшим делам мог и сам видеть не только справедливость моих слов, но и воспользоваться назидательностью моих советов и изречений, преподанных мною сестрам моего Боголюбского монастыря и приютанкам оного, прилагаю при сем как вещественное доказательство и как дар любви моей во Христе Иисусе два вышитых платочка, один сотканный поясок и пять пар лапотков“.

„Тоже совершенно справедливо,—продолжает далее Зосима,—что при поездках моих официальных по Красноуфимскому уезду, по обязанности миссионера инородцев, когда поездки эти приурочивались к хра-

мовым праздникам, всегда брал с собою хор певчих из числа сестер и приютанок—в числе двенадцати человек, как, как с одной стороны, для более торжественного богослужения и духовно-нравственного назидания, так и особенно в виду того, что при таковых торжественных богослужениях, за всеобщими бдениями и божественными литургиями пение совершалось на четырех языках: славянском, черемисском, татарском и даже, для красоты и величия, на греческом“.

Вообразив, что „склонность к женскому полу“ и близость к молодым монашенкам подобными раз'яснениями достаточно уяснена и что нежелательные подозрения в данном отношении им основательно отклонены, Зосима, наконец, заявляет: „мне кажется, что г. судебный следователь из произведенного им расследования по возведенным на меня страшным, уголовным, клеветническим обвинениям, через молчаливость, скрытность и уклончивость некоторых из свидетелей делает выводы ошибочные, предполагая, что уклончивость свидетелей обуславливается и поддерживается влиятельным лицом в обители—настоятельницаю Евгенией, —которая будто-бы есть сторонница моя,—видимо, употребляющая все меры к поддержанию моего авторитета, которым пользовался я как в обители, так и среди окрестных жителей и которые потому глубоко верят, что я буду вновь возвращен в Сарсы. Что же, — и дай Бог, чтобы пламенное желание сестер Боголюбского монастыря и искреннее благовейное желание многих тысяч к общей радости оправдалось. Я дерзаю сказать: против этого ничего не имею, ибо желаний человеческих—гневных и земных—нет у меня. Не ищу я ни славы, ни чести, ни похвал людских, — всегда обманчивых, — ни наград внешних, — а заявляю лишь об одном пламенном желании, безгрешном и святом, — что бы кости мои положены были в дорогой для меня, приготовленной мною в Боголюбской обители могилке, обмытой многими моими слезами и слезами многих других“. („Дело“ т. I, л. 215-224.)

И так, по существу возводимых на него обвинений Зосима ничего не сказал, ибо не хотел и не желал сказать. Из Сарсов ему постоянно писали, утешая, что „дело“ может быть, будет скоро потушено, что за него „хлопочут сильно“, что находятся свидетели, которые „покажут против Кусакиной и Горожаниновых“. Вообще между Печаевской Лаврой и Сарсами шла самая деятельная переписка. Зосима был постоянно в курсе своего дела и в свою очередь указывал, кого нужно просить, что нужно.—если спросят—говорить и как говорить. Всем сестрам обители он послал даже по фотографической карточке с себя, убеж-

дая их „крепко“ стоять за него. И если мы припомним показания некоторых свидетелей что у монастырских насельниц своего— „я“ не было, а была во всем только воля Зосимы,—нам понятным станет тогда, что эта воля“ Зосимы, в силу постоянной его переписки с монастырем, не прекратилась и почти не ослабела за его отъездом.

Но обо всем этом Голишевский вспомнил только в ноябре 1903 г. т.е. почти год спустя, как Зосима выехал из Сарсов.

Казалось бы, что если Зосима удален из Сарсов и потому уже нет неотложной нужды изолировать его в арестантское отделение, то крайней мере нужно было строго изолировать его от всякой переписки, подвергнув последнюю тщательной перлюстрации и контролю. И вот, вспомнив наконец это элементарное требование для уяснения и раскрытия важнейших преступлений, Голишевский только в октябре 1903 года делает распоряжение об учинении над Зосимой особого надзора со стороны ближайшего его духовного начальства и об опечатании всех находящихся при нем и в его келии денег и бумаг. 10-го ноября 1903 года, когда указанное распоряжение было исполнено, следовательно делает следующее постановление: „принимая во внимание, что обвиняемый Зосима не только не прекращал с Боголюбской в Сарсах обителью, общения, как со своим по его выражению „детищем“, но и вошел с настоятельницею монастыря—монахиней Евгенией в переписку и между прочим выслал через нее для обителя свои фотографические карточки; принимая также во внимание, что монахиня Евгения и о. Зосима, очевидно, находятся между собою в отношениях особого взаимного друг к другу доверия и Евгения по возникновению дела о. Зосимы прибегала к мерам явно пристрастного заступничества за него, старалась объяснить возводимое на него обвинение клеветническими побуждениями недоброжелательных лиц, каковой образ действия ее оставил заметный след и на показаниях некоторых свидетелей из среды обителей, очевидно, уклонившихся от дачи правдивых показаний об о. Зосиме,—следователь,—в виду всех этих соображений, приходит к тому вполне вероятному и естественному в подобных случаях предположению, что в отобранных у обвиняемого о. Зосимы бумагах может оказаться переписка с ним монахини Евгении такого содержания, которая, касаясь предмета предъявляемого ему обвинения, могла бы послужить к уяснению преступного события и дать настоящему делу ценную вещественную улику. А потому *постановил*: произвести через подлежащего судебного следователя обыск в отобранных от обвиняемого Зосимы

бумагах с последующей затем выемкой той переписки, какал, по своему содержанию, окажется относящейся к настоящему делу в качестве существенного доказательства". („Дело“ т. I, л. 280-231).

Однако подобный обыск, произведенный 3-го января 1904 года, не дал каких либо существенных результатов, так как портфель с бумагами находился в ведении самого Зосимы, („Дело“ т. I, л. 242) и он, конечно, постарался еще ранее лично произвести от туда подлежащую выемку.

Не мог также следователь пролить яркий свет и на то обстоятельство, отчего именно умирали в монастыре молодые монашенки, т.е. не была ли их смерть следствием неудачного отравления плода. Сами родители умерших почти все заявляли, что их дочери поступали в монастырь здоровыми, дома не хворали, а в монастыре начинали чахнуть. Зосима лечил их, но лекарства не помогали. Сами больные не заявляли, что они были беременными. По этому остается только предполагать, что Белозерова, Плотникова и другие могли быть и правы в своих заявлениях о том, что сравнительно высокая смертность среди молодых насельниц монастыря была от неудачного осуществления желания через разные лекарства избавиться от беременности. Но реальных, безусловных и не опровержимых фактов для убеждения в том, что это именно так и было, следователем не было получено.

Как бы то ни было, но эта высокая смертность остается все-таки явлением очень и очень странным, если в особенности принять во внимание, что заболевали не пожилые, а молодые монахини, у которых прекращались регулы, начинались боли в животе, появлялась рвота и т. п. Если же мы обратим внимание на всю обстановку монастырской жизни, на ненасытную похотливость Зосимы, сумевшего устроить для себя в монастыре нечто вроде турецкого гарема, а также и на то, что среди девушек монастыря беременные, как выяснено это с Токаревой действительно были, а потом эта беременность, как то исчезала,—то тогда предположение о том, что молодые монахини, умирали от лекарств, данных для освобождения от беременности, может быть названо более, чем вероятным. Сам же Зосима в своих показаниях даже и не возмущался этой сравнительно высокой смертностью в своей обители и опустил этот факт, не дав ему никаких объяснений и разъяснений. Очевидно, он был глубоко уверен, что рано или поздно, его дело будет потушено, что „высокие покровители“ его не выдадут и что кошмарные ужасы Боголюбской обители, также сойдут ему с рук, как сходили с

рух и все прежние его „подвиги“. Надежда на возвращение в Сарсы Зосиму все еще не покидала. Уезжая, он говорил в церкви народу: „Молитесь Богу, чтобы скорее возвратиться к Вам. Богородица меня три года ждала в Почаевской Лавре; там монастырь запустили, раскол кругом развился. Приведу все в порядок и возвращусь“. („Дело“ т. I л. 136). Несколько раз потом послал он в Сарсы телеграммы чтобы как можно сильней хлопотали о его возвращении. В своих показаниях 30-го сентября 1903 года он прямо заявляет, „об одном пламенном своем желании—безгрешном и святом, чтобы кости его положены были в приготовленной им в Боголюбском монастыре могилке, омытой многими его слезами“.

Да и как было не желать своего возвращения, когда Зосима знал силу своего влияния на монастырских насельниц, силу своего умения подчинять их себе до потери личного „я“, до полного порабощения личной воли? Ведь, тогда легко и свободно можно было бы направить следственное дело совершенно по другому руслу, в другом, желательном для Зосимы, направлении. Не даром, когда он еще не выехал из Сарсов,—он уже убедил Горожаниновых Марфу и Анну выехать в Красноуфимск, чтобы взять обратно жалобу от товарища Прокурора с заявлением о том, что все написанное в ней — не правда, что они говорили и действовали по наущению и подговору Плотниковой и других врагов Зосимы. Последние действительно отправились в Красноуфимск. Зосима навял для них извозчика и лично провожал их. Девушки плакали... И только случайность не довела их до желательного Зосиме шага. („Дело“ т. I, л. 139—140).

Недаром и родители Екатерины Кусакиной уже ослабели в своем горе и готовы были идти на перемирие.

Все бы устроилось иначе, только бы возвратиться, только бы лично присутствовать там, где производится следствие.

Но такая надежда все не осуществляется. Зосима за тысячи верст от Боголюбской обители. И не видит он этого, „своего дорогого детища“ не видит прежних покоев своих, где так хорошо, так сладко жилось и дышалось, как у богатого турецкого паши в гареме.

Что же делать, что предпринять, чтобы Синод сменил на милость свой гнев?..

Все сильней и сильней льется кровь русских рабов — крестьян и рабочих — на Манчжурских полях.

Все больше и больше эвакуируется в глубь России раненых солдат с театра Японской войны..

И вот Зосима придумывает комбинацию, которая по его предположению не только бы изменила взгляд на него в Синоде, но и явилась бы лучшим средством для его возвращения во Вторые Сары.

Вспомнив, что в Боголюбском монастыре имеются свободные и довольно поместительные здания, а самый монастырь отстоит от железнодорожной линии в 130 верстах, Зосима в конце мая 1904 года посылает в Синод следующую телеграмму: „Мне телеграфируют: Св. Синод озабочен приисканием помещений для раненых воинов в Пермской губернии, где назначено им оставаться. Кропачевская станция Уфимской жел. дороги отстоит в 130 верстах от Боголюбского монастыря, при котором на нагорной площади, местности просторной, здоровой, имеются два корпуса, совершенно свободных: каменный, крытый железом, прекрасно отделанный, светлый, теплый, — длиною 47 сажней и деревянный большой. В каменном можно приспособить 100 кроватей для раненых, в деревянном помещении для медицинского персонала. Предлагаю эти корпуса для раненых воинов. Глубоко сочувствуя такому великому делу настоящим эстренным прошением, как учредитель Боголюбского монастыря, осмеливаясь всемирнейше просить Св. Синод благосердно разрешить мне возвратиться в Боголюбский монастырь для продолжения трудов по его созиданию, для организации помещения раненым воинам в свободных корпусах для просвещения и проработки, разрешить прибыть туда безотлагательно в 13 июня — храмовому празднику Боголюбской обители, совершить там праздничное богослужение, совершать таковые впредь на радость и утешение многих скорбящих.“

И хотя это ходатайство Зосимы как и все другие Синодом было так же оставлено без последствий, однако, Зосима все еще не унывает, не волнуется и продолжает терпеливо ждать своего возвращения.

Впрочем сначала Зосима несколько не волнуется и из за медленности следствия.

Когда же это следствие, как законченное было предъявлено ему для ознакомления, он заявляет, что „печал нежелательным и неуместным рассматривать следственное производство“. В таком именно духе 27 июля 1904 года им подается заявление Прокурору Пермского Окружного Суда. „Вчерашнего часа, — пишет Зосима, — предъявлено было мне следствен-

ное дело по обвинению меня в уголовных преступлениях при служении моем в Пермской епархии; при чем предложено было, по прочтении дела, высказать мои заключения об удовольствии, или неудовольствии произведенным следствием. В виду того, что по следственному делу 30 сентября 1903 года даны были мною самые обстоятельные и широкие объяснения по всем обвинительным пунктам по произведенному следствию. — при том, по сану моему, все по чистой совести настоятельской. — я почел нежелательным и неуместным рассматривать следственное дело-производство, представленное мне ныне для прочтения и выяснения довольствия или недовольства, ибо к данным мною объяснениям 30 сентября 1903 года не имею ничего ни прибавлять, ни убавлять. В виду вышеизложенного настоящим заявлением обращаюсь с покорнейшей и искреннейшей просьбой закончить следственное дело... в силе снисходительной и в духе миролюбия и справедливости и тем сказать благоволение моему недостойнству, учрежд. мной мною в Саргах Вторых женской Боголюбской обители с ея насельницами, как и всем причастным в деле судебного производства лицам, которым с моей стороны, как настоятелем и лицам их духовным, преподаю уже настоятельское и отеческое всепрощение в виду моего нежелания осложнять и продолжать судебное дело-производство. („Дело“ т. I. л. 272).

Но мыслию Зосимы, что если он „препобдал всем причастным в деле судебного производства лицам свое настоятельское и отеческое прощение“ и если по этому не желает осложнить дело привлечением этих лиц „по кривосудическим мерзостям“ к ответственности, то и самое дело должно быть конечно „в духе миролюбия“, в силу чего он и почел нежелательным и неуместным рассматривать следственное производство.

Даже тогда, когда Зосиме вручена была копия обвинительного акта, он был все еще уверен в себе и своей безнаказанности. Он даже отказывается от защитника, надеясь, что его личное присутствие на судебном разбирательстве дела вернее повернет это дело к его оправданию и построят его противников. 15-го февраля 1905 года им подается в Пермский Окружный Суд следующее заявление: „12-го сего февраля вручено мне извещение (от 16-го января за № 773) с обвинительным актом в копии, коими обвиняюсь я по 1523 ст. Улож. о наказан. со списком лиц, вызываемых в суд по делу моему. В силу такого распоряжения суда настоящим заявляю что имею обязательство явиться в суд лично, при чем доном считаю присовокупить, что никого не избираю защитником своим по делу моему, ибо имею сам лично присутство-

вать при разбирательстве судебного дела. Что же касается свидетелей, я мог бы указать на многих, но к прискорбию моему, не знаю, ни имени их, ни фамилий, ни места постоянного их жительства и потому могу лишь сделать заявление о таковых лично на суде, при разбирательстве дела". („Дело“ т. III, л. 15).

* * *

По существовавшим тогда судебным законоположениям, раз судебное-уголовное дело касалось духовной особы, то все следственное производство в законном виде должно было до судебного разбирательства исступать на рассмотрение и заключение духовного начальства. Точно также было поступлено и с делом Зосимы. И вот духовная власть делает последние попытки вырвать из руб правосудия этого видного члена своей иерархии и тем самым предотвратить тяжелый удар для церкви.

Возвращая Прокурору следственное производство Пермская духовная консистория 27-го сентября 1904 года за № 11441 нашла необходимым при суждении о степени доказанной виновности архимандрита Зосимы остановиться на следующих соображениях.

„Учреждение Боголюбского монастыря возникло в целях просвещения ивородцев и всецело принадлежит обвиняемому архимандриту Зосиме. Основание означенного монастыря в Пермской епархии, в местности со значительным числом инородческого населения, заслуживает особого внимания и в этом случае трудно допустить, чтобы наряду с такой высокой целью о Зосима, как человек (по свидетельству высшей духовной власти—отношение канцелярии обер-Прокурора св. Синода от 27—31 марта 1904 г. за № 2696), „предпримчивый, ума незаурядного, вели сильной“, в самом преклонном возрасте—более 60 лет—мог преследовать свои личные, унижающие его духовный сан и порочащие всякое человеческое достоинство, стремления и желания.

Обвинение архимандрита Зосимы по отношению девочек-приютанок Гброжаниновых и Кусакиной особенно усиленно поддерживается потерпевшими их родителями несомненно на основании слов самих же потерпевших, но очевидцы-свидетели факта самого над ними насилия со стороны архимандрита Зосимы—в деле не усматриваются.

Есть, правда, и показания некоторых других девочек-приютанок о том, как арх. Зосима покушался совершить и с ними совокупление; но наряду с этим есть свидетельство многих приютанок и послушниц, равно и

их родителей о том, что арх. Зосима относился вообще к ним очень хорошо и никогда ничего предосудительного по отношению к ним не допускал.

Далее,—из дела следственного с очевидной ясностью проглядывает особенная деятельность в возникновении настоящего дела по обвинению архим. Зосимы со стороны проживавшей в монастыре Д. К. Плотниковой, которая, добровольно поступив в Боголюбский женский монастырь и прожив там около пяти лет, впоследствии, повздорив с обвиняемым арх. Зосимой, принимала участие в подаче на него жалобы и не без открытой видимости занималась собиранием данных к обвинению о Зосиме.

Наконец,—все продолжительное служебное прошлое архимандрита Зосимы не дает достаточных данных признать в нем человека, имевшего „особую склонность к женскому полу“,—и это было бы и естественнее и возможнее допустить в более молодые его годы..

Нельзя также не отметить в данном деле еще одного обстоятельства, а именно: это требование 10.000 рублей с архимандрита Зосимы родителями приютанки Кусакиной, которые, однако, по словам некоторых свидетелей испрашивали за тем прошение у того же архимандрита Зосимы, за причинение ему обиды. (Дело т. I, л. 274—275)*)

Однако и эта последняя попытка духовной власти также не увенчалась успехом. Время было очень тревожное. Всюду шло брожение недовольства существовавшим государственным строем. Правительство стало прислушиваться к общественному мнению, а это мнение было глубоко возмущено гнусностями Зосимы. Прекратить или даже затушить и смягчить подобное дело, это значило бы—сделать сознательный вызов и без того оппозиционно настроенному обществу.

И светская власть, скрепя сердце, должна была отдать Зосиму на суд общественной совести.

Тогда-то только и почувствовал Зосима, что „дело“ его принимает нешуточный оборот. 21-го мая 1905 года он шлет председателю Пермского Суда следующую телеграмму: „Христос Воскресе. Благоволите ответить, куда, когда выехать мне. Отпуск давно получен. Собрался совсем.

*) Требование 10.000 рублей со стороны Кусакина нельзя назвать шантажем. Прежде всего это требование было высказано в пылу ужасного горя и отчаяния, от мысли о том, что его дочь Екатерина „потеряла“ себя,—было высказано в тот день, когда она, при родителях, в лицо уличила Зосиму в ее изнасиловании последним. В следствии Кусакин уже не повторял этого требования, хотя несколько раз брал с Зосимы за безчестие дочери в-с-м ми. Указание на то, что буд-то бы Кусакин просил у Зосимы прощения, судебным следствием положительно не подтверждается, чего не мог и не знать Консистория, рассматривавшая все дело.

Жизнь только прогонов. Истомился ожиданием. Молитвенно благословляю Вас, всех чинов суда". В ответ на это товарищ председателя Тихомиров также телеграфирует: „дело назначается Красноуфимские первые числах сентября 1905 года." („Дело" т. III, л. 17-18).

Еще позднее (13-го августа 1905 г.) Зосима по телеграфу обращается прямо в суд, сообщая, что собрался ехать по нет средств на дорогу а Почаевская Лыра отказывается выдать проговы. На это член суда Маковский отвечает также телеграфом: „По закону прогонов для обвиняемых не полагается". (Там—же л. 31).

Наконец,—по предложению Прокурора, „в виду особого положения обвиняемого в духовной иерархии в Красноуфимском уезде и в целях обеспечения полной безпристрастности суждения гг присяжных заседателей" дело Зосимы было назначено к слушанию в г. Перми 30 го сентября 1905 года, куда в этому времени за свои личные прогоны и приехал Зосима.

IV.

Суд над архимандритом Зосимой. Судебный приговор и дальнейшая судьба Зосимы.

За все те гнусности и все те кошмарные ужасы, которые прордеивал Зосима в течении всей своей монашеской жизни час раслаты — рано или поздно—должен был, наконец, наступить. Грозное правосудие, которое знакомо было иногда и царскому правительству, уже заносило над его головой свой меч. Вопли тех, кого Зосима растлил и тех, кто им был изнасилован,—их стоны и слезы—все сильней и сильней взывали о неотложном и справедливом возмездии. Дальше тянуть „дело" было нельзя. Нельзя было больше закрывать глаз перед обнаруженными гнусными фактами.

31-го октября 1904 года Пермским Прокурором К. Подрезан был, наконец, составлен обвинительный акт. Последний 21 го декабря того же года был утвержден Казанской Судебной Палатой с заключительным решением в том, что следствие по сему делу достаточно полно и произведено без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, что событие, о котором произведено следствие, действительно совершилось, заключая в себе признаки преступного деяния, и что до-

завзательства и улики, собранные по делу против обвиняемого, достаточны для предания его суду.“ („Дело“ т. II, л. 4—5).

Так отгородилась судебная власть от своего пристрастного отношения к „делу“ Зосимы, несмотря на всевозможные секретно-административные давления.

Казалось, что суд уже недалеко. Тем не менее прошел и еще почти год до этого суда общественной совести. Дело тянули здесь духовные власти, предполагая, что время сгладит яркие краски с картины обнаруженных монашеских безобразий и тем ослабит остроту Зосимовских гнусностей.

Правда, духовною властью Зосима был запрещен в священнослужении впредь до окончания возбужденного о нем дела. И хотя это запрещение очень запоздало, будучи проведено лишь официально за несколько месяцев до суда, однако подобным распоряжением духовная власть очевидно, также хотела, — хотя бы с покаянной стороны, — реабилитировать себя, тоже отгородившись от дела Зосимы; хотели только показать вид что она точно также возмущена всем тем, что раскрыло и выяснило предварительное следствие. На самом же деле эта власть по прежнему считала Зосиму архимандритом, ибо запрещение в священнослужении еще не означало снятия и лишения сана.

Уже почти перед самым судом духовная власть, в лице Пермской консистории обращается к Пермскому прокурору с отношением следующего содержания: „имея в виду, что дело о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря Красноуфимского уезда — архимандрите Зосиме, на основании ст. 620 Уст. Угол. Суд. несомненно будет рассматриваться Окружным Судом при закрытых дверях судебного заседания, между тем представляется необходимым иметь более подробные сведения об обстоятельствах этого дела и о решении его Окружным судом, для составления донесения высшему центральному управлению духовного ведомства. Пермская консистория с утверждения преосвященнейшего епископа Никонора, имеет честь просить Ваше Превосходительство разрешить секретарю оной коллежскому советнику Алексею Вишняцкому присутствовать при рассмотрении дела об архимандрите Зосиме в предстоящем судебном заседании 30-го сентября 1905 года.“ („Дело“ т. II, л. 41.).

Указанное отношение Пермской консистории снова и лишней раз свидетельствует, как была заинтересована и как больно была задета духовная власть делом Зосимы.

* * *

Судебное заседание 30-го сентября было открыто в 10 часов утра в составе председателя Суда В. П. Ломновского, членов П. И. Богаевского и Ф. А. Клинберг, при секретаре И. И. Юштин в присутствии товарища прокурора Скрипкина.

Председатель открыв заседание и об'явив предмет подлежащего рассмотрению дела, приказал судебному приставу ввести подсудимого. Подсудимый был введен в зал заседания и занял место на скамье подсудимых, оставаясь на свободе. Затем председатель в присутствии в зале заседания присяжных заседателей, предложил подсудимому обычные вопросы о его личности, летах, судимости и т. п. и, получив на них надлежащие ответы, распорядился приведением в известность вызванных свидетелей, при чем оказалось, что из числа последних не явились Дарья К. Плотникова и Федосей Л. Вшивков. Принимая во внимание, что повестка Плотниковой была вручена в другом судебном округе — в гор. Уфе откуда явка свидетельницы при ее возрасте — более 60 лет, — представляется затруднительной, что повестка Вшивкову возвращена и не вручена за принятием его на действительную военную службу и отбращением на войну, Суд постановил дело слушанием продолжать, признавая показания не явившегося свидетеля Вшивкова не существенными для дела и причину неявки его — законной, показания же свидетельницы Плотниковой, как для дела существенные, огласить, не подвергая ее, в виду проживания в другом отдаленном судебном округе, ответственности за неявку.

После этого, явившиеся свидетели были удалены в отдельную комнату.

Присяжные заседатели, обязанные прибыть на настоящее заседание, явились все, в числе 26 очередных, список которых и был предъявлен сторовам для отвода. Товарищем прокурора из числа заседателей — было отведено 2 лица.

Затем председатель Суда предложил товарищу прокурора дать заключение о порядке слушания настоящего дела, — и Суд, согласно с этим заключением, постановил: слушать настоящее дело при закрытых дверях присутствия, начиная, с чтения обвинительного акта и до об'явления резолюции.

Председатель Суда распорядился удалением публики из зала и затем, когда последняя была удалена, об'явил, что выбор присяжных заседателей для составления присутствия произведен будет из числа 24-х неотведенных сторовами, — опустил билеты с именами их в ящик.

и затем, перемешав их, вынул 14-ть билетов. Вынутые по жребию имена заседателей были внесены секретарем в особый список, который, по проверке с оставшимися в ящике билетами, был скреплен секретарем, подписан судьями и провозглашен во всеуслышание. После этого комплектные присяжные заседатели избрали из среды себя старшиною Ф. Т. Терентьева.

Такова была процедура прежнего судопроизводства, после чего читался обычно обвинительный акт.

Тоже самое проделано было и здесь, после чего председатель Суда, изложив существо обвинения, обратился к Зосиме с вопросом, признает ли он себя виновным? Конечно, ответ был получен отрицательный (копию обвинительного акта см. в конце книги приложение за № 1).

Тогда в зал суда приглашены были свидетели, которые, за исключением 3-х священников, и были приведены к присяге, так как отвода их сторонами заявлено не было.

Затем свидетели были вновь удалены в особую комнату за исключением Марфы Горожаниновой.

Сильно волнуясь, тяжело дыша со слезами на глазах, поведала Горожанинова кошмарную повесть своей монастырской жизни и своего изнасилования с растлением.

„Болела нога, пошла к „папочке“ думала, что он поможет, а он, а он“... Она еле, еле доканчивает то, что хотела сказать. Спазмы сдавливают ей горло, и громкие рыдания оглашают зал заседания...

Таже картина получается и от допроса потерпевших Екатерины Кусакиной и Анны Горожаниновой. „Но я простила о. Зосиму, — заканчивает последняя, — я простила его и преследовать по суду не хочу“...

В общем все свидетели показывают тоже, что и на предварительном следствии, так что нет нужды повторять здесь их показания.

В особенности долго суд допрашивает свидетеля священника Удюминского, который к уже оглашенным нами показаниям прибавляет, что умершая родственница его Евдокия Алашкива, жившая у Зосимы в кухарках, — в нижнем этаже его квартиры, — как то говорила ему, что Кунгурская ищанка Мария Метельина, тоже жившая в монастыре, — женщина лет 20—22 х, — будучи в ретирале — (отхожем месте), была поймана там Зосимой с целью изнасилования, но вырвалась от него, убежала с криком и плачем вниз к Алашкиной и, рассказав об этом, со слезами жаловалась, что Зосима не дает ей прохода своими гнусными предложениями. („Дело“ т. I, л. 97).

Сам Зосима рассказывал свидетелю, что однажды в Красноярске он заподозрен был в отравлении плода у какой-то женщины и в подделке фальшивой монеты, за что его и привлекали к следствию но оправдали, а принимавший горячее участие в уличении его—Зосимы,—в приписываемых ему преступлениях жандармский полковник Банин заплатил за это, так как был переведен из Красноярска куда-то в более худшее место, где вскоре и умер, а когда его отпевали, то на него упала тяжелая церковная люстра (Там же, л. 123 об.).

Когда Удюрминский узнал, что Зосима пытался изнасиловать его племянницу Анну Алашкину, то—возмущенный—бросил Зосиме слово „развратник“. Тогда Зосима при каждом удобном случае стал допытываться, почему Удюрминский назвал его таким человеком.

„Но,—прибавляет свидетель,—я не сказал ему, почему я составил себе о нем такое мнение. Факт был совершившийся,—не вернуть его,—а говорить про такой гнусный поступок было просто отвратительно“

Тогда Зосима, чтобы добиться от Удюрминского, что последний знает о нем, придумал следующее средство: он отстранил Удюрминского от отправления церковной службы и заявил ему, что не допустит его, до исполнения церковных обязанностей, пока Удюрминский не пойдет в исповеди и не покается в своем грехе недоброжелательства к Зосиме. Удюрминский на это ответил ему, что он не прочь исповедаться и поедет ля этого или в село Тавру к о. Язову, или в село Манчаж к о. Евгению но Зосима категорически потребовал, чтобы он исповедался только у него, что в конце концов, Удюрминский и принужден был сделать по настоянию своей жены, так как думал, что после этого он снова будет разрешен в служении и будет по этому получать хотя бы несколько нужных для пропитания денег. Но, по словам свидетеля, это была не исповедь, а самый строгий допрос, хотя Удюрминский все-таки не сказал Зосиме, почему он обозвал его развратником.

Когда Удюрминскому стало уж очень нравственно тяжело жить дальше в Боголюбском монастыре, то он поехал к Уфимскому епископу Антонию, чтобы куда нибудь перепроситься в его епархию. Последний, узнав, откуда Удюрминский обратился к нему со словами: „что много Ваш Зосима наплодил“. А стоявшим тут священникам сказал: „вог архимандрит его живет с монашками, как турецкий папа“ (Там же, л. 128).

Рисуя между прочим уже известные нам порядки монастырской дисциплины в Боголюбской обители, Удюрминский на суде иллюстри-

ровал их следующей картинкой: когда в Зосиме собирались на обед „именитые“ гости, то в конце обеда он призывал дежурных девушек и приютанок и спрашивал их при гостях, виноваты ли они. А когда девушки, по заведенному обычаю, отвечали, что виноваты, то приказывал им встать по три земных поклона и падать ему в ноги. Затем Зосима, ввиде особой милости позволял девушкам целовать у него руки и брать себе его об'еды. („Дело“ т. I. лист 181 об.).

Относительно вышеупомянутой Анны Алашкиной, — кроме Удюрминского, — родной брат последней, Михаил Алашкин также показал, что когда Анна дежурила в покоях Зосимы, этот последний стал приставать к ней с целью полового совокупления. Анна однако успела вырваться от него и с плячем убежала на кухню к матери. Правда, подробностей он не знает, так как мать ему их не передавала, но знает, что после этого мать увела Анну к их тетке — жене Удюрминского, где она и жила до смерти матери. Спрошенная же судом жена Удюрминского — Александра Михайловна — также засвидетельствовала, что действительно к ней привели однажды племянницу Анну, которая со слезами на глазах, стыдясь и пугаясь рассказала, что когда она находилась в покоях Зосимы, Зосима поймал ее и хотел повалить с „пехорошею“ целью на кровать, но она от него убежала и больше к нему не пойдет.

„Анна была тогда еще очень молоденькая девушка не больше 14 лет“ („Дело“ т. I. лист 142—143).

Так, — страница за страницей раскрывалась допрашиваемыми свидетелями кошмарная книга жизни Зосимы в Боголюбской обители...

Когда эти свидетели были все допрошены, тогда, согласно постановлению суда, были оглашены показания не явившейся свидетельницы Дарьи Плотниковой, данные ею на предварительном следствии. (Т. I. лист 121 и 160.)

Затем, вследствие ходатайства товарища прокурора, были оглашены: а) протокол судебно-медицинского освидетельствования Марфы Горжаниновой (т. I. лист 14—16), б) протокол судебно-медицинского освидетельствования Екатерины Кусакиной (т. II л. 19), в) метрическая справка о рождении потерпевшей Горжаниновой; г) метрическая справка о рождении потерпевшей Кусакиной; д) сообщение Владимирской дух. консистории („ о склонности Зосимы к знакомству с женским полом “); е) послужной список архимандрита Зосимы (том I, л. 250—255), и ж) послужной список старшего вахтера Дмитрия Рашина, до крещения Зальмана Мордухова Рашина (т. I, л. 263-264).

При этом подсудимый, будучи предварительно спрашиваем председателем суда, не возражал против прочтения каждого из указанных документов.

В виду того, что заявления о дополнении судебного следствия ни сторонами, ни присяжными заседателями сделано не было, председатель объявил, что судебное следствие закончено и свидетели объявляются свободными.

Суд затем приступил к слушанию заключительных прений сторон.

К несчастью, в деле Зосимы нет ни обвинительной речи товарища прокурора Скрипчина, и защитительной речи самого Зосимы (защитника, как известно, он не пожелал иметь), с его последним заключительным словом.

Председатель суда объявил после этого прения сторон прекращенными и суд приступил к постановке вопросов на разрешение присяжных заседателей.

Проект вопросов присяжным заседателям был прочитан в слух, при чем замечаний против редакции вопросов ни от кого не последовало.

Вопросной лист тогда был подписан председательствующим и членами Суда и вручен старшине присяжных заседателей Терентьеву.

Комплектные присяжные заседатели удалились для постановления решения в особую комнату, к дверям которой, как полагалось тогда, была приставлена стража.

По постановлении решения заседатели возвратились в зал заседания и, по предварительном рассмотрении судом ответов, старшина прочел в слух вопросы суда и ответы на них присяжных.

„Да, виновен“, — было в этих ответах. (Копию вопросов и ответов см. в конце книги — приложение за № 2).

После этого председатель суда предложил товарищу прокурора дать свое заключение о последствиях для подсудимого решения присяжных и о том, к каковому наказанию он подлежит, в ответ на что товарищ прокурора заявил, что подсудимого следует подвергнуть наказанию на основании 1523 ст. Улож. о наказан. и, в виду 129 ст. (т. е., в виду упорства и заперательства подсудимого), по второй степ. 19 ст. Улож. о наказ.

Подсудимый относительно требуемого товарищем прокурора наказания никаких заявлений и возражений не сделал.

Суд удалился для постановления резолюции в совещательную комнату, по возвращении из которой, председатель уже при открытых дверях

присутствия — огласил резолюцию суда и добавил, что приговор в окончательной форме будет объявлен 6-го октября того же года в 12 часов дня (копию приговора см. в конце книги: приложение за № 3).

Текст оглашенной резолюции следующий:

1905 года, сентября 30 дня, по указу его императорского величества, Пермский окружной суд, по 2 уголовному отделению, в публичном судебном заседании, в следующем составе: председатель Суда В. П. Ломновский, члены: П. И. Богаевский, П. А. Клинберг, при д. об. секретаря И. И. Юштиня и в присутствии товарища прокурора Ф. Ф. Скрипкина, рассмотрев, с участием присяжных заседателей, дело о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря — архимандрите Зосиме, обвиняемом по 1523 ст. Улож. о наказ. **ОПРЕДЕЛЯЕТ:** бывшего настоятеля Боголюбского монастыря в Красноуфимском уезде Пермской губернии, ныне состоящего в числе братья Потаевской Успенской Лавры Волынской епархии — архимандрита Зосиму — 62-х лет, — призванного решением присяжных заседателей виновным в растлении и насилии девки, не достигших 14-ти летнего возраста, на основании 1523, 4-й степ. 19 и 152 статей Улож. о наказ., лишая всех прав состояния, сослать в ваторжные работы на 11 лет, с последствиями по 25 ст. Улож. о наказ. Судебные по делу издержки взыскать с осужденного Зосимы.

Настоящий приговор, по вступлении его в законную силу, прежде обращения в исполнение, на основании 945 ст. Уст. Угол Суд, представить через министра юстиции на усмотрение его императорского величества" („Дело“, т. III л. 148).

По объявлении вышеизложенной резолюции Суд постановил: для пресечения подсудимому спсособов уклоняться от исполнения над ним приговора суда, содержать Зосиму отдельно от других заключенных под стражей в Пермской губернской тюрьме, об исполнении чего немедленно сообщить Пермскому городскому полицейскому управлению.

Заседание закончено было в 8 часов вечера.

Так происходил суд над архимандритом Зосимой, который по приговору суда возвращен был в первобытное состояние, т. е. снова стал Дмитрием Александровичем Рашиным.

9-го декабря 1905 года первый департамент министерства юстиции, по первому уголовному отделению, за № 57201, Пермскому окружному суду сообщил, что, согласно приговора последнего от 30 сентября 1905 года „государь император в 8 й день декабря сего года высочайше соизволил на лишение архимандрита Зосимы всех прав состояния“. („Дело“ т. Ш, л. 155).

21-го января 1906 года приговор о Зосиме, как вступивший в законную силу, был обращен в исполнение.

Сначала, по распоряжению тюремного инспектора Блохина, Зосима содержался в отдельной комнате Пермской тюремной больницы, обставив ее иконами и другими монашескими принадлежностями, превратив, таким образом, свое подневольное помещение в уютную монастырскую келью. Но время наступило революционное. В тюрьме содержалось очень много политических заключенных, которые возмущенно протестовали против такой незаконной привелегии уголовному преступнику; носившему в то же время собственную монашескую одежду и не имевшему положенных по тогдашнему закону кандалов.

Видимо, эти протесты все усиливались и делались все настойчивее, так что 18-го июля 1906 года за № 5305 Пермский губернатор просит главное тюремное управление отправить Зосиму в какуюнибудь другую тюрьму, так как „содержится он в отдельной камере, что при переполнении губернской тюрьмы, является крайне стеснительным. Содержать же его в общей камере с прочими заключенными представляется неудобным в виду его прежнего положения и возможности со стороны арестантов издевательств над ним и даже насилия.“ Почти одновременно с этой бумагой и, вероятно, в силу тех же справедливых протестов политических, с которыми тогда еще считались, Пермский прокурор (19-го июля 1906 года за № 7270) обращает внимание Пермского губернатора на следующее: „бывший архимандрит Зосима, осужденный на 11 лет в каторжные работы, продолжает содержаться в отдельной палате. Тюремный врач Чарков заявил, что названный арестант никогда к нему за медицинской помощью не обращался и содержание его в отдельной палате крайне не желательно в интересах больницы так как не хватает помещения для таких больных, которые действительно нуждаются в изоляции. Занимаемая арестантом Зосимой палата представляет собою вполне изолированную, удобную и хорошо обставленную комнату, совершенно непохожую на камеры уголовных преступников и такое исключительное положение этого арестанта в Пермской тюрьме

может вызвать нареkania со стороны других арестантов, совершивших менее тяжкие преступления.“

На указанное отношение губернатором, 28-го июля 1906 г. за № 5605, дан был следующий ответ: „арестант каторжного разряда бывший архимандрит Зосима содержится в отдельной больничной палате, как нуждающийся, — по дряхлости, — в особой пище. В общем же корпусе, с арестантами одной с ним категории, его содержание представляется не удобным в виду его прежнего положения и возможности со стороны арестантов издевательств над ним и даже насилия.“ Тут же было добавлено о сообщении в главное тюремное управление с просьбой об отправке Зосимы в одну из каторжных тюрем России и что распоряжения об этом еще не получено.

Затем, по распоряжению главного тюремного управления (от 28-го июля 1906 года за № 13695) Зосима был отправлен из Перми в Самарскую тюрьму — „впредь до особых распоряжений“, откуда 12-го августа 1906 года он был препровожден в Московскую тюрьму, а отсюда, согласно распоряжению главного тюремного управления, от 16-го марта 1907 г. за № 7778, его снова доставили в Пермь.

16-го апреля 1907 года за № 1226 Пермский губернатор снова ходатайствует о переводе Зосимы в такую тюрьму, „где его никто не знает“. „А в Перми, — поясняет он, — все арестанты, особенно политической категории, крайне враждебно против него настроены, а главное, по той причине, что этот бывший архимандрит, а ныне осужденный, все еще пользуется обаянием среди простого народа и многие до сего в ремени считают Зосиму за невинного страдальца и, как особого счастья, добиваются свидания с ним. Посещение такого арестанта в тюрьме также лицами монашеского звания (местным пресвященным и некоторыми монашествующими Белогорского монастыря) способно укрепить публику в высоком мнении о Зосиме. Систематический же отказ в таковых свиданиях, без сомнения, может вызвать излишние нареkania.“

В виду такого ходатайства Зосима, наконец, был переведен в Вятскую губернскую тюрьму, где в декабре 1909 года и состоялась, согласно существовавшим тогда законам, замена каторжных работ заключенному, по преклонности его возраста, тюремным заключением в течении 16 лет и 6 месяцев, считая срок наказания со дня произведения революции по его делу, т. е. с 30-го сентября 1905 года.

Зосима приговор суда не кассировал. Но потом, так сказать, очутившись „на дне“ тюремного заключения он неоднократно вызывает и

милости официальных кругов Петербурга. Так, 13-го октября 1905 года им на имя министра юстиции подается следующая телеграмма. „Пермским окружным судом, как представлено вашему превосходительству, осужден я,—старец 65-летний, труженник самоотверженный, многолетний на разных поприщах во благо св. церкви,—в одиннадцатилетнюю ваторгу, посажен в тюрьму. Причина осуждения—клевета злонамеренная. Как духовный отец всех оклеветавших меня, связанный каноническими правилами вселенской церкви, пред судом не оправдывался, не защищался. Дело, через посредство Вашего высокопревосходительства должно быть представлено благовозрению императора. Умоляю вас,—верующего, благоговейного христианина,—повергнуть к стопам помазанника божия, Христом—царем царствующих—возлюбленного монарха,—мою всеподданнейшую просьбу: всемилостивейше повелеть вызвать меня в Петербург для личного государю императору, как помазаннику божью, разъяснения дела и принятия оправдания. Таковой высочайшей милостью помазанника божия, тысяч скорбящих утешатся, отрется множество слез. Милость высочайшая и Ваше высоко-христианское участие будут приятною, благоуханною жертвою“.

Однако от министра юстиции (10 января 1906 г. за №1663) на такую елейную и льстивую телеграмму все-таки получился ответ об оставлении ходатайства Зосимы без последствий.

Того же 13-го октября была послана Зосимой и телеграмма товарищу обер-прокурора синода—князю Шихматову, весьма благожелательно к нему настроенному. „Старец многолетний,—телеграфирует он здесь, самоотверженный труженник во благо св. церкви, умоляю Ваше сиятельство исходатайствовать благосердное разрешение св. Синода на вызов меня в Петербург для личных разъяснений существа дела, принятия оправдания. Как духовный отец всех обвинивших меня, как связанный каноническими правилами церкви, пред судом не оправдывался, не защищался. Разъясню все только св. Синоду“.

На эту телеграмму 15-го октября 1906 года был получен ответ. „Решение Пермского окружного суда можете обжаловать в порядке уголовного судопроизводства. Синоду дело не подсудно“.

Не ограничиваясь, однако, такими отклоненными ходатайствами, Зосима посылает телеграмму самому императору. „Всемилоостивейший государь,—читаем мы в этой телеграмме,—помазанник божий, Христом—царем царствующих—возлюбленный. Благосердно выслушайте мольбу—воплъ старца, труженника самоотверженного, многолетнего на раз-

ных поприщах во благо св. церкви. Пермским окружным судом осужден в одиннадцатилетнюю каторгу, посажен в тюрьму. Причины осуждения — клевета злонамеренная. Умоляю повелеть вызвать меня в столичный град Петербург для личного вам, государь, разяснения сущности дела и принятия оправдания”.

И впоследствии, — просидев долго в разных тюрьмах, — Зосима время от времени все продолжает молить о пощаде. Так, в сентябре 1909 года из Виленской тюрьмы чрез министра юстиции он снова обращается на царское имя с прошением, содержащим в себе между прочим следующие фразы: „Осужден в одиннадцатилетнюю каторгу, с лишением сана, отнятием благодати священства и монашества, которыми всегда неизменно и благоговейно дорожил и старался всегда оправдывать и оплодотворять в моей жизнедеятельности. Осмеливаюсь всемилоостивейше и всеподданейше просить и умолять войти в мое, во имя Божие, тюремное крестоношение, — почтить достаточным срок повешенного наказания и всемилоостивейше изволить повелеть освободить меня навсегда из тюремного заключения с предоставлением права поступить в один из всероссийских общежительных монастырей, где пожелают принять меня, или всекомилоостивейше и любвеобильно высочайше разрешить на всегда, — чтобы не служить соблазном или укоризной для слабоверных и малодушных, — оставлять православную Русь, с правом отправиться на православный восток, для поступления в один из скитов Афонской горы. В осуществление вышепросимого умоляю возвратить мне сан с монашеством и с правом священнослужения“.

На это прошение также ответа не последовало. Наконец, 26-го июня 1911 года, содержась все в той же Виленской тюрьме, Зосима, при поддержке Виленского губернатора и Синода, обращается на царское имя с новым прошением о смягчении своей участи.

Результат последнего прошения оказался положительным. 16-го января 1912 года, за № 297, на имя Пермского окружного суда последовал следующий указ Сената: „Правительствующий Сенат слушали предложение министра юстиции, от 21-го декабря 1911 года за № 69675, следующего содержания: государь император по всеподданейшему доводу в 21-й день декабря 1911 года всемилоостивейше повелеть соизволил: освободить лишенного всех прав состояния Дмитрия Александровича Рашина от определенного ему заключения в тюрьме, заключить его в один из монастырей Литовской епархии на пять лет с признанием взамен лишения всех прав состояния, лишенным по ст. 43

Улож. о наказ. всех особенных прав и преимуществ. О таком высочайшем повелении министр юстиции предлагает правительствующему Сенату к исполнению, присовокупляя: 1) что приговор Пермского окружного суда 30-го сентября 1905 года бывший настоятель Боголюбского монастыря архимандрит Зосима, — в мире Дмитрий Александров Рашин, — за изнасилование с растлением двух не достигших четырнадцатилетнего возраста девиц, присужден был к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на одиннадцать лет с последствиями по ст. 25 Улож. о наказ., 2) что высочайшее соизволение на лишение архимандрита Зосимы всех прав состояния последовало в 8-й день декабря 1905 года и 3) что по неспособности Рашина в каторжных работах, таковые, согласно закону, были заменены ему тюремным заключением на 16 лет и 6 месяцев". (Дело т. III, л. 197).

Зосима тогда был отправлен в Судергский монастырь Ковенской губернии, где 25-го января 1912 года и умер.

З а к л ю ч е н и е

По мере сил своих и насколько позволили это имевшиеся в наших руках документы, мы разобрали пресловутое „дело“ Зосимы.

Пред нами прошла жизнь, полная самых ярких и ничем не прикрытых картин монашеского ханженства, лицемерия, притворства и разврата, — полная самой бессовестной эксплуатации темных и несознательных масс народных во имя веры и церкви.

Пред нами прошла жизнь, нравственная квалификация которой, без сомнения, не может не возмущать до глубины души всякого порядочного человека.

Пред нами, наконец, прошла жизнь, в которой отобразились такие же кошмарные ужасы, что от них леденеет кровь в сердце, немеет язык и волосы становятся дыбом.

Впрочем, нужно ли здесь негодовать и нужно ли возмущаться?

Сколько за последние годы прошло перед нами подобных мерзостей?

Если уж нужно приходить в негодование, то приходить от того, как еще находятся люди, которые все еще продолжают верить в таких „старцев“, святош и ханжей.

„По плодам узнаете их“ (Ев. М. 7, 16)...

Еще в шестидесятых годах прошлого столетия Мельников-Печерский, изучивший быт и нравы духовного сословия, писал: „Может ли народ уважать духовенство, когда всюду в среде его видит святокупство, небрежность к служению, бесчиние при совершении обрядов? „Может ли народ уважать духовенство, когда видит, что правда совершенно в нем исчезла“? (Цитируем по кн. П. Усова: „Андрей Печерский. (П. Мельников“), изд. Вольфа стр. 144).

Поэтому мы и говорим, что „дело“ Зосимы—это не его только личное дело, а дело всей монашеской церкви, в которой подобных Зосим было и есть не малое количество. Не даром лучшие церковники уже давно сознавались, что церковь из-за прикрития и замалчивания разного рода безобразий и гнусностей, творимых в ней некоторыми ее руководителями; может стать как бы мертвым и разлагающимся трупом.

„Ныне,—говорит, наур. один,—церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов“.

„Мы мертвые выкидыши,—говорит другой,—а между тем без стыда восходим на священные степени и,—что всего хуже,—покупаем священство за деньги“.

„Присмотритесь отцы,—взывает третий,—у нас, ведь, нет церкви, а есть некая пугалка страшная“ (Еписк. Евдоким: „на Заре церковной жизни“, стран. 35.—Ныне Евдоким,—митрополит и глава обновленческой церкви.)

И дело Зосимы ясно и открыто показывает всем, какая действительно это „пугалка страшная“—монашеская церковь и жизнь.

Пусть же поймут это те, кои все еще верят в разных всечестных отцов; преосвященных епископов, священных архимандритов, и т. д. и т. под., не вдумываясь в то, как сравнительно много оказывается среди них волков в шкуре овечьей

Как-то невольно, как то само собой приходят здесь на память слова священного для христиан писания: „Они получают возмездие за беззаконие, ибо они полагают удовольствие во вседневной роскоши,—срамники и сквернители. Глаза у них исполнены любострастия и нечестивого греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено в любостязанию: это сыны проклятия“ (Петр. п. 2, гл. 2).

Зосима получил нужное и справедливое возмездие.

Пусть же покроет народ провльтием и презрением и тех из своих отцов духовных, которые под покровом веры творят с этим народом всевозможные гнусности, одурманивают его разными баснями и высасывают из него все соки народные, сознательно искажая пред этим все еще повсюду верующим народом первоначальную религию христианских древних восточных, как религию трудящихся, религию социальной правды, социального равенства и братства.

В. Дачковский.

Портрет Зосимы (в двух видах), официально снятый с него
в 1906 году, в Пермской губернской тюрьме.

Портрет Зосимы, снятый с него в Виленской
тюрьме в 1910 году.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря архимандрите Зосиме.

В ноябре и декабре месяцах 1902 года крестьянка Бедряжской волости Осинского уезда Пермской губернии Агафоника Павлова Горожанинова и сельский обыватель Юговского завода Пермского уезда Степан Емельянович Кусакин в жалобах, поданных товарищу прокурора, заявили, что дочери их девицы Марфа Петрова Горожанинова и Екатерина Степанова Кусакина, состоя в числе воспитанниц приюта Боголюбского женского монастыря в деревне Вторых Сарсах Красноуфимского уезда, были изнасилованы архимандритом этого монастыря о. Зосимой.

На предварительном, по поводу таких жалоб, следствии потерпевшая Марфа Горожанинова показала, что в Боголюбский монастырь она поступила в качестве приютанки, вместе с матерью своею, в марте месяце 1900 года. За две или три недели до своих именин (4 июля) в том же 1900 году она, по приказанию надзирательницы приюта, утром пришла в помещение о. Зосимы, чтобы показать ему свою больную ногу. Усадив ее в кресле в своей спальне, о. Зосима начал делать ей втирание в ногу, а затем повел ее к кровати и, повалив на постель насильно, несмотря на ее сопротивление, совершил с нею половое совокупление, лишив ее девственности. Она боролась с ним, неоднократно вскакивала, пытаясь вырваться от о. Зосимы, отталкивала его от себя, сжимала свои ноги и плакала, но в конце концов сила о. Зосимы превозмогла, а кричать он ей запретил. В тот же день после обеда она рассказала о случившемся с нею девочке Александре Уржумовой, на что та ответила ей: „это случилось не с тобой одной, а и со мною и многими другими“. После этого случая о. Зосима имел с нею много раз половое совокупление во время дежурства ее в его покоех, при чем первые два совокупления с нею были также насильственные, а затем она уже перестала сопротивляться. О совершенном о. Зосимой над нею насилии она долгое время никому не говорила из боязни его. (т. I, л. 11).

Потерпевшая Екатерина Кусакина показала, что в бытность ее приютанкой Боголюбовского монастыря о. Зосима первую попытку изнасиловать ее сделал как-то зимою 1897—1898 г. г., когда она, будучи 12 лет от роду, дежурила в его покоях. В 9 часов вечера, когда уже собирались спать, она—Кусакина—пошла в спальню о. Зосимы налить в рукомойник воды. О. Зосима схватил ее и повалил на свою постель с целью полового с нею совокупления, но это ему не удалось вследствие сопротивления и угрозы закричать. Спустя дня три после этого, в ее дежурство, ночью, когда она легла спать в дежурной комнате, в последнюю зашел о. Зосима, сдернул с нее одеяло и, навалившись на нее, насильно совершил с нею половое совокупление, лишив ее невинности, при этом она оказывала сопротивление, но кричать не посмела, боясь быть прогнанной из покоев в ночное время. При последующих затем неоднократных совокуплениях с нею о. Зосимы, она уже сопротивления ему не оказывала, считая таковое бесполезным и хотя родители ее жили тоже при монастыре, но о насилиях она заявить не посмела, в виду строгого запрещения о. Зосимы разглашать об этом. (т. II, л. 6).

По судебно-медицинскому освидетельствованию потерпевшие Марфа Горожанинова и Екатерина Кусакина оказались лишенными девственности не менее года тому назад. (т. I, л. 14-216; т. II, л. 19).

Показаниями тех же потерпевших, а равно и свидетелей: Удюрманского, Плотниковой и других установлено, что обвиняемый архимандрит Зосима позволял себе попытки насильственного полового совокупления и с некоторыми другими девицами, как из числа подведомственных ему сестер, так и посторонних женщин, по какому либо случаю бывавших у него в покоях. Так, свидетельница Аг. фья Платыгина удостоверила, что, страдая болями в животе, она как-то обратилась к о. Зосиме за врачебной помощью, зная, что он пользуется от болезней всех, к нему обращающихся. Когда она пришла в его помещение, о. Зосима сначала наповел ее чаем, потом подал ей выпить рюмку какого то лекарства, а затем привел ее в свою спальню, уложил ее в постель и полез на нее с очевидной целью иметь с нею половое сношение, но испуганная этим она, —свидетельница,—от себя его оттолкнула и попытка его, таким образом, не удалась. (т. I, л. 183 об.).

По словам свидетельницы Ирины Вшивковой, однажды, когда она мыла полы в покоях о. Зосимы, последний, спустившись в кухню, заметил ей, что она плохо вымыла пол в его спальне: около рукомойника. Ког-

да же она, придя в спальню, стала вновь подмывать пол, о. Зосима схватил ее сзади в охапку, потащил к кровати с очевидным намерением иметь с нею половое сокоупление, но она отбилась от него, пригрозив кричать и хотя обвиняемый затем склонял ее ласками согласиться на половое сношение с ним, но свидетельница отказалась. (т. 1. 129 об.)

Свидетельница Александра Кобякова, одна из сестер Боголюбской обители, показала, что о. Зосима как-то в дежурство ее у него в покоях, пройдя в дежурную комнату, начал приставать к ней с любовными предложениями. Зная со слов приютанок Горожаниновых и других, что о. Зосима насилует дежурных девушек, она, — Кобякова, — побежала из квартиры, но о. Зосима поймал ее и потащил к себе в комнату и только тогда оставил ее, когда она, ухватившись за скобку двери, пригрозила ему тем, что закричит. По словам той же Кобяковой к о. Зосиме как-то приехала из Великого Устюга (где ранее служил о. Зосима) разошедшаяся с мужем кувчиха Мария Павлова Цибасова, которая гостила у Зосимы более двух недель, проводя дни и ночи у него в помещении. В другой раз к нему же приехала беременная девушка Мария Охлопкова под предлогом якобы лечения, прожила у него в покоях около двух месяцев и уехала в Уфимскую губернию, откуда через несколько времени был привезен в Боголюбский монастырь ребенок, оказавшийся рожденным Охлопковой. (т. I, л. 145 146).

По удостоверению свидетельницы Анны Ферапонтовой однажды она пришла к о. Зосиме с целью полечиться от головной боли, но должна была уйти, пораженная его бесстыдством, потому что вместо лечения головы он начал осматривать у нее груди и живот. (т. I, л. 131 об.).

Свидетель Удюрминский удостоверил, что однажды проживавшая в монастыре племянница его, девица Анна Алашкина, со слезами на глазах прибежала из покоев о. Зосимы в кухню своей матери и рассказала, что о. Зосима пытался изнасиловать ее в своих покоях, но она от него вырвалась и убежала. (т. I, л. 155). Тот же Удюрминский и другие свидетели констатируют факт любовных отношений обвиняемого с женой эконома монастыря Татьяной Ивановой, а также случаи секретного пребывания у него в покоях частью сестер монастыря, частью же неизвестных девиц, чему свидетель Удюрминский был сам однажды невольным очевидцем, а что касается любовной связи обвиняемого с женой эконома, то эта связь несколько лет тому назад, — на Пасхе, — послужила поводом к возникновению в обители целого скандала, едва не

окончившегося причинением экономом Ивановым побоев о. Зосиме (т. I л. 123, 176, 179-180).

Далее рядом свидетельских показаний—Удюрминского, Плотиновой и других установлено, что архимандрит Зосима, устроил в деревне Вторых Сарсах женскую обитель, стараясь окружить себя, несоответствующею монашескому званию, роскошью. Жилище свое устроил совершенно отдельно от прочих построек и строго наблюдал, чтобы занавески на окнах по вечерам были опущены. На дежурство же в своих покоях назначал по своему выбору исключительно молодых приятанок в возрасте от 12 до 14 лет, проводивших у него целые ночи, хотя для этой цели не было недостатка не только в женщинах пожилого возраста, но и в мальчиках мужского приюта, устроенного при том же монастыре (т. I, л. 177 об.).

В праздничные дни о. Зосима собирал в своих покоях приятанок и сестер, угощал их чаем и елостями и некоторым девушкам дарил приники с надписью: „люби меня“ или же с изображением прозенного стрелю сердца.

При поездках по монастырям о. Зосима брал с собою хор певчих из тех же приятанок и сестер, причем некоторых возил в своем экипаже.

В нравственном отношении о. Зосима характеризуется, как человек предприимчивый, ума незаурядного, воли сильной, способный производить впечатление неотразимое, внушать доверие и подчинять себе (т. I, л. 249).

Из сообщения канцелярии святаейшего правительствующего синода от 29 мая 1903 года за № 4591. (т. I, л. 155), а также из послужного списка архимандрита Зосимы видно, что о. Зосима неоднократно был перемещаем с высшей должности на низшую, из епархии в епархию, из монастыря в монастырь с учинением над ним строгого надзора (т. I, л. 250), а из отношения Владимирской духовной консистории.— от 3 июля 1903 года за № 7036,—усматривается, что архимандрит Зосима был перемещен в число братии Суздальского монастыря под строгий надзор, с поручением Владимирскому Преосвященному, в случае неблаговидных и бласненных со стороны о. Зосимы поступков, немедленно поместить его в арестантское отделение монастыря и что во время пребывания о. Зосимы в названном монастыре за ним замечалась склонность к знакомству с женским полом. (т. I, л. 166).

Из сообщения Главного штаба в Главное Интендатское Управление от 19-го мая 1867 года за № 7992 видно, что о. Зосима был сдан в рекруты 31-го октября 1852 года из мецан—евреев гор. Сосницы и именовался до святого крещения Зальманом Мордуховым Рапц-ным (т. I, л. 262).

Подлежащими метрическими справками установлено, что пострадавшие Марфа Горожанинова и Екатерина Кусакина родились: 1-я—28 го июня 1886 г., а последняя—1-го ноября 1886 г. (т. I, л. 75; т. II, л. 14).

Привлекаемый к следствию в качестве обвиняемого в растлении девиц Марфы Горожаниновой и Екатерины Кусакиной бывший архимандрит Зосима уклонился от дачи прямых ответов по существу представляемых к нему обвинений, называя таковые клеветническими (т. I, л. 215).

На основании изложенного бывший настоятель женского Боголюбского монастыря в Красноуфимском уезде Пермской губернии, ныне состоящий в числе братии Почаевской Успенской лавры, Больинской епархии, архимандрит Зосима,—62-х лет,—обвиняется в том, что, состоя настоятелем женского Боголюбского монастыря в деревне Вторых Сарсах Красноуфимского уезда, он во 1) зимою 1897-1898 г. в. пришел ночью к постели дежурившей в его покоях воспитанницы монастырского приюта, не достигшей 14-летнего возраста девицы Екатерины Кусакиной, сорвал с нее одеяло и, навалившись на нее, несмотря на сопротивление Кусакиной, совершил с нею вопреки ее воли половое совокупление, лишив ее при этом девственности и во 2) в том, что в июне месяце 1900 года в своих покоях при монастыре повалил на кровать принадлежующую к нему за медицинскою помощью воспитанницу монастырского приюта, не достигшую 14-летнего возраста девицу Марфу Горожанинову и, несмотря на ее сопротивление, совершил с нею половое совокупление, лишив ее при этом девственности.

Преступления эти предусмотрены 1523 ст. улож. о наказ.

Вследствие этого и на основании 201 ст. устава угол. судопроизводства, состоящий в числе братии Почаевской Успенской лавры, бывший архимандрит Боголюбского женского монастыря о. Зосима подлежит суду Пермского окружного суда с участием присяжных заседателей.

Составлен 31 октября 1904 года в гор. Перми.

Прокурор *К. Подрезан* (подпись).

ВОПРОСНЫЙ ЛИСТ.

по делу о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря — архимандрите Зосиме, — обвиняемом по 1523 ст. улож. о наказ.

В О П Р О С Ы :	О Т В Е Т Ы :
<p>1. Виновен ли бывший настоятель Боголюбского монастыря в Красноуфимском уезде Пермской губернии, ныне состоящий в числе братии Почаевской Успенской лавры Волынской епархии — архимандрит Зосима, — 62-х лет, — в том, что, состоя настоятелем указанного выше монастыря, зимою 1897-1898 г. г. в названном монастыре с не достигшей 14-летнего возраста девицей Екатериной Кусакиной совершил половое совокупление, насильственно, вопреки явно выраженной ее воли и несмотря на ее сопротивление, введя с этой целью свой детородный член в ее половые органы, причем лишил ее этим введением члена в ее половые органы — девственности?</p>	<p>Да, — виновен — Старшина <i>Терентьев</i> (подпись)</p>
<p>2. Виновен ли названный в первом вопросе подсудимый архимандрит Зосима в том, что в июне месяце 1900 года в названном в первом вопросе монастыре, состоя его настоятелем, с не достигшею 14-летнего возраста девицею Марфою Горожанниновой совершил половое совокупление, насильственно, вопреки явно выраженной ее воли и несмотря на ее сопротивление, введя с этой целью свой детородный член в ее половые органы, причем лишил ее этим введением члена в ее половые органы — девственности?</p>	<p>Да, — виновен — Старшина <i>Терентьев</i> (подпись) Председатель суда <i>Ломновский</i> (подпись)</p>
<p>Председатель суда <i>Ломновский</i> (подпись). Член суда <i>Богаевский</i> (подпись). Член суда <i>Клибберг</i> (подпись).</p>	

ПРИГОВОР.

1905 года, октября 6-го дня, настоящий приговор объявлен мною в 12 часов дня при товарище прокурора В. С. Оринове и исп. об. секретаря И. И. Юштине, при подсудимом, с соблюдением порядка, указанного в 830-832 ст. устава угол. судопр., при чем предложено было обозреть протокол судебного заседания.

Член суда *Воеводский (подпись)*.

1905 года, сентября 30-го дня, по указу его императорского величества, Пермский окружный суд по 2 уголовному отделению, в публичном судебном заседании, — с участием присяжных заседателей, — в следующем составе: председатель суда В. П. Ломновский, члены: Н. И. Богаевский и Ф. А. Клинберг, при исп. об. секретаря И. И. Юштине и в присутствии товарища прокурора Ф. Ф. Скрипкина слушал дело о бывшем настоятеле Боголюбского женского монастыря — архимандрите Зосиме, — обвиняемом по 1523 ст. улож. о наказ.

Решением присяжных заседателей бывший настоятель Боголюбского монастыря в Красноуфимском уезде, Пермской губернии, ныне состоящий в числе братии Почаевской Успенской лавры Волынской епархии — архимандрит Зосима, — 62 лет, — признан **ВИНОВНЫМ**: 1) в том, что, состоя настоятелем указанного выше монастыря, зимою 1897-1898 годов в названном монастыре с не достигшей 14-летнего возраста девицей Екатериной Кусакиной совершил половое совокупление, насильственно, вопреки явно выраженной ее воли и несмотря на ее сопротивление, введя с этой целью свой детородный член в ее половые органы, при чем лишил ее этим введением члена в ее половые органы — девственности, и 2) в том, что в июне месяце 1900 года в названном монастыре, состоя его настоятелем, с не достигшей 14-летнего возраста девицею Марфой Горожаниновой совершил половое совокупление, насильственно, вопреки явно выраженной ее воли и несмотря на ее сопротивление, введя с этой целью свой детородный член в ее половые органы, при чем лишил ее этим введением члена в ее половые органы девственности.

Обсуждая законные последствия изложенного решения присяжных

заседателей и обращаясь, согласно 3 п. 771 и 826 ст. Уст. Уг. Суд. к определенной ответственности подсудимого, Окружной Суд находит, что преступные деяния, в которых он признан виновным, по своим фактическим признакам составляют растление с насилем двух, не достигших четырнадцатилетнего возраста девиц. Такое растление предусмотрено 1523 ст. Улож. о наказан., на основании которой виновные подвергаются наказанию по 4 степ. 19 ст. Уложения. Это наказание Суд и назначает за каждое из преступлений подсудимого, при том в средней мере в виду упорства подсудимого в заперательстве в преступлениях (10 п. 129 ст. Улож. о наказ.). По той же 4 ст. Уложения в средней мере надлежит определить наказание подсудимому и на основании 152 ст. Улож. о наказ. по совокупности совершенных им преступлений.

Таким образом, подсудимый согласно изложенного подлежит лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на одиннадцать лет с последствиями по 125 ст. Улож. о наказ.

Кроме того, с него же — подсудимого — как виновного по силе 776 и 976 ст. ст. Уст. Угол. Суд. должны быть взысканы судебные по делу издержки. Настоящий приговор о подсудимом, как архимандрите, по вступлении в законную силу, прежде обращения к исполнению, на основании 945 ст. Уст. Угол. Суд. надлежит представить через министра юстиции на усмотрение императорского величества.

Вследствие сего Окружной Суд определяет: бывшего настоятеля Волынского монастыря в Красноуфимском уезде Пермской губернии, ныне состоящего в числе братьев Иочаевской Успенской Лавры Волынской епархии — архимандрита Зосиму — 62-х лет, — признанного решением присяжных заседателей виновным в растлении с насилем девиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, на основании 1523, 4 степ. 19 и 152 статей Улож. о наказ., лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы на одиннадцать лет, с последствиями по 26 ст. Улож. о наказ. Указанные по делу издержки взыскать с осужденного Зосимы. Настоящий приговор по вступлении его в законную силу, прежде обращения к исполнению, на основании 952 ст. Уст. Угол. Суд. представить через министра юстиции на усмотрение императорского величества.

Председатель Суда *И. Ломтовский* (подпись).

Члены Суда: *Богасовский* (подпись).

Клиберг (подпись).

76906 Секретарь *Юштин* (подпись).

669